

Виктор Золотухин

Радиоточка

Виктор Золотухин

Радиоточка

«Издательские решения»

Золотухин В.

Радиоточка / В. Золотухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933492-3

Действия романа «Радиоточка» происходят в конце 90-х годов сразу по обе стороны кухонного проводного радиоприемника. С одной стороны это передел власти в руководстве областной телерадиокомпании с приходом нового губернатора, передел денежного пирога и влиятельного СМИ. С другой — интриги в среде радиохулиганов на самом низовом уровне. В самый кульминационный момент в события вмешиваются сверхъестественные силы...

ISBN 978-5-44-933492-3

© Золотухин В.
© Издательские решения

Содержание

Радиоточка	6
Глава Р	7
Глава А	22
Глава Д	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Радиоточка

Виктор Золотухин

© Виктор Золотухин, 2018

ISBN 978-5-4493-3492-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Радиоточка

На правах романа
Все персонажи книги, кроме дворничихи Райки, подлинные,
но рассказанные события – вымысел.
На самом деле все было гораздо хуже.

Глава Р

Ранним утром хорошо работается физически. Впрочем, другой работы Райка не знала. «Вжик» метлой, и горсть пожелтевших листьев аккуратной кучкой лежит у края тротуара. «Вжик» еще раз, и рядом еще одна такая же кучка.

Метлу надо держать как косу. С ровной спиной и размахиваться от плеча. Тогда долго не устает, да и сметается все ровненько.

Подметать хорошо, когда еще не совсем проснулся. Работаешь как автомат. А там глядишь – двор уже подметен. При этом можно вяло о чем-нибудь думать. Райка сметала листву и прокручивала в голове фразы, которые услышала сегодня из кухонного радиоприемника. Программу вел ее любимый журналист областного радио Владимир Серов. Ничего особенного, правда, она не услышала, да и не было ничего такого в сегодняшней программе, поэтому в голове крутились криминальные сводки, прогноз погоды и рекламные объявления. Конечно, если бы Райкина семья жила побогаче, то и слушала бы она с утра не областные известия, а музыкальные программы «Русского радио». Но денег в семье катастрофически не хватало. Муж Райкин целый год безуспешно искал работу, а сама она четыре месяца не получала зарплату.

Райке было тридцать лет, но выглядела она на «сорок с хвостиком»: сеть мелких морщин на лице и руки, как у работяги, с завода. Но это мелочи! Если бы случайный прохожий мог заглянуть под ее одежду, то увидел бы неимоверно сморщенные груди и живот, сплошь потрескавшийся во время родов. У Райки было двое детей: дочь и сын. Сейчас они находились в школе.

Ближе к обеду двор был чисто подметен. Райка открыла святая святых всех дворников – дверь мусоросборника – и поставила метлу на место. Теперь надо было сходить в жилищно-эксплуатационный участок.

В конторе царило оживление. Приехал начальник на своей «Вольво» и привез часть зарплаты. Целых четыреста рублей! Столько получила Райка. Теперь можно было рассчитаться с долгами и должно еще что-то остаться.

Дворничиха пошла на базар купить картошки. Целое ведро. Потом бесцельно побродила по рядам и не удержалась – подошла к лотку, где продавались американские окорочка.

«Ножки Буша» неровной горкой лежали в ящике на прилавке. Райка сглотнула слюну. Когда она последний раз ела мясо?

– Сколько вам? Два, три килограмма? – напирала торговка.

– Два! Два окорочка, – засмушалась Райка.

Разочарованная торговка положила на весы пару окорочков. Тянули они почти на килограмм. Огромные, жирные, аппетитные. А главное, без малейшего намека на какие бы то ни было перья.

«Таких кур не бывает», – внезапно подумала Райка.

Но руки сами уже протягивали деньги.

Вечером, когда Райкин муж пришел домой, его распирало от гордости. Еще бы! Он, наконец-то, нашел работу. Приняли его на какой-то завод охранником. Зарплата небольшая – рублей восемьсот, но сколько надменности и превосходства появилось в его взгляде.

Райка разложила вареную картошку по тарелкам, а потом полезла в духовку, чтобы положить мужу окорочек. В последний момент она решила, что отдаст один окорочек мужу, а другой поделит между детьми. Сама решила воздержаться в целях экономии.

Тарелку с окорочком она поставила возле мужа. Корочка была хорошо прожарена – сморщенная, коричневатая. И запах. Запах жареного куриного мяса. От этого запаха кружилась голова, а во рту предательски скапливалась слюна.

– Что это? – спросил муж, глаза его при этом стали непроницаемы, ноздри осторожно втягивали воздух, прицениваясь к запаху.

– Это тебе. Окорочек.

– Да, как ты посмела, сука!

Промелькнул кулак, и Райка сбита со стула внезапным увесистым ударом приземлилась на пол на четвереньки. Дыхание сбилось. Райка открыла рот и резко выдохнула. На пол тонкой липкой струйкой потекла слюна, перемешанная с кровью, и от того розоватая. Секунду спустя изо рта вывалился зуб и стукнулся о половицы с таким звуком, будто кинули кубик во время игры в нарды.

Заскулив, как щенок, Райка на четвереньках поползла из кухни. Добавил ей ускорения пинок, благодаря которому она растянулась на полу, поцарапав щеку. Выскочив в коридор, Райка схватила свою рабочую куртку и выбежала из квартиры, оставив дверь открытой.

Собственно, бежать ей было некуда. Зайдя в родной мусоросборник, она села на бетонный пол и привалилась к пухто¹. Тело ее мелко тряслось от страха. Обиды на мужа не было. Был только животный страх. Обида, может быть, придет потом.

Перед Райкиными глазами стояло лицо мужа – отсутствующий взгляд хищной птицы. Дворничиха попыталась смахнуть набежавшую слезу, но ей помешала куриная кость, торчащая из глаза.

Оперативка на областном радио началась нетрадиционно.

– Попрошу остаться только журналистов, – сказал Николай Анатольевич Гуров.

Николай Анатольевич был заместителем председателя областной государственной телерадиовещательной компании. В его непосредственном управлении находилось такое подразделение, как областное радио.

Гуров был крупным, но не толстым мужчиной. Все в его лице было гармонично: зеленые глаза, чувственный, средних размеров рот, светло-русые коротко стриженные волосы. Нарушал гармонию только тонкий и длинный нос. Сейчас этот нос был покрыт капельками пота. Это означало, что Николай Анатольевич волнуется. Когда он волновался, то страшно потел. Подчиненные определяли волнение начальника по капелькам пота, выступавшим на обширной территории носа. Остальные потовые железы были недоступны взгляду окружающих – Николай Анатольевич носил широкие брюки и свитер, подчеркивая тем самым, что он прежде всего хозяйственник, а уж потом руководитель.

Карьера Гурова была абсолютно типична для руководителя средства массовой информации новой эпохи. Получив журналистское образование в университете еще в брежневские времена, Гуров быстро понял, что звезд с неба не хватает, журналист он никакой, поэтому устроился на работу в государственную телерадиокомпанию в отдел пропаганды. Раз в месяц он записывал на диктофон заседание обкома партии и потом в течении следующего месяца порциями готовил фрагменты этого заседания к радиоэфиру. Работа была абсолютно холявная, не требующая напряжения мозговых извилин – процитируй Леонида Ильича и передай слово секретарю обкома партии. Так вот за эту холяву совсем не холявно платили. Премии Гуров получал регулярно и взысканий по службе не имел. Какие могут быть взыскания, если вся белиберда, переданная в эфир, была утверждена на самом высоком областном уровне.

В разгар перестройки многие журналисты увольнялись с насиженных мест и уходили работать в частные газеты и радиостанции, появляющиеся как грибы после дождя. Не хотели загнивать в болоте государственных средств массовой информации. Хотели развиваться творчески. И большинство поплатилось за это. Пока был бум гласности, все было хорошо – популярность газет и радиостанций росла, а соответственно росла и зарплата сотрудников частных

¹ Пухто – контейнер для мусора (прим. автора).

средств массовой информации. Потом невероятно выросли цены на бумагу, услуги типографий и аренду радиопередатчиков. Выживать стало куда труднее. Руководство страны потихоньку выдавливало неугодных из информационного поля. Да и народ внезапно обеднел: вклады обесценились, зарплаты и пенсии снижались. Покупали уже не газету, а булку хлеба.

Гуров, не питая иллюзий о своих профессиональных качествах, не стал дергаться и остался на областном радио. К тому же самые творческие личности давно покинули стены компании, на фоне остальных Николай Анатольевич выглядел в общем-то неплохо.

А потом настали выборы. Помните то время, когда своего начальника выбирали коллективным голосованием? Выбирать было не из кого. Если кто и подходил по своим профессиональным качествам на должность заместителя председателя по радиовещанию, то не горел желанием сменить творческую профессию на номенклатурную. А Николай Анатольевич взял да и согласился.

Справедливости ради надо отметить, что Николай Анатольевич по своей натуре был беззлобным и благожелательным человеком. Если, конечно, что-то не касалось вплотную его кровных интересов.

Когда в кабинете остались только журналисты, Гуров сказал:

– Коллеги, у меня для вас очень неприятное известие, к нам на радио направляют работать Николаева.

– Ну и что такого? Стерпим! – как всегда не подумав, вмешалась музыкальный редактор Филимонова.

– Вера Михайловна, – обратился к ней Гуров. – Его направляют на мое место.

Сергей Анатольевич Николаев был как раз из тех журналистов, которые в разгар перестройки сорвались с насиженных мест и кинулись создавать что-то свое. Николаев и еще несколько радиожурналистов открыли одну из первых в области частных радиостанций. Причем, это не была типичная музыкальная радиостанция – основное ударение журналисты делали на новости и тематические программы, что гораздо сложнее, ответственнее и требует несравнимо больших расходов.

Станция быстро набрала обороты, приобрела популярность среди радиослушателей. Но последние пару лет она стала хиреть. Причина та же: стоимость аренды радиопередатчика и помещения возросла невероятно.

За несколько месяцев до этого Сергей Анатольевич принял активное участие в предвыборной губернаторской компании. Не без его участия новый губернатор победил на выборах. Когда же новый глава области спросил Сергея Анатольевича, что тот желает в награду за труды праведные, Николаев ответил, что мечтает вернуться на государственное радио.

Сказано – сделано. Губернатор позвонил председателю компании, и вопрос тут же был решен положительно. Был во всей этой истории лишь один нюанс: Николаев не претендовал на место Гурова. Вопрос стоял совсем о другой должности. Николаев хотел заниматься рекламным бизнесом. Но этот нюанс большинству присутствующих на оперативном совещании журналистов известен не был.

– Николаева направляют на мое место, – повторил Гуров.

– А как же ты? – спросила Вера Михайловна. У журналистов было принято обращаться на «ты». Исключение составляли только крупные начальники. К ним обращались на «вы».

– О себе я и сам позабочусь, дело в вас.

Николай Анатольевич посмотрел на непонимающие лица коллег и разъяснил:

– Сейчас Николаева взяли простым журналистом, но скоро он займет мое место, а через полгода всех вас уволит.

– За что?

– Он недоволен вами, как работниками. По его словам, Савицкая – картавая провинциалка, Хрынов – косноязычен, Голдман – лентяй, Филимоновой, это вас касается Вера Михай-

ловна, – пора на пенсию, Барановой – только собачками заниматься, Серов – гонит левую рекламу, а Романенко – не лояльна по отношению к новой власти.

Присутствующие в шоке притихли. Названы были все фамилии, и в адрес каждого прозвучала какая-нибудь гадость. Впрочем, хотя бы часть правды в этом перечислении прозвучала. Другое дело, как она была подана!

Пожалуй, спокойнее всего восприняла эту информацию «картавая провинциалка» Света Савицкая. В свои неполные сорок лет она сохранила энергию, присущую очень молодым людям, но при этом всегда рассуждала здраво и обстоятельно. Ее темная челка даже не дрогнула. Ясный взгляд карих глаз был спокоен и сосредоточен.

– Насколько верна эта информация?

– Све-ета! – вмешалась Романенко. – Информация абсолютно верная.

Осведомленность Натальи Романенко была даже подозрительна. Но, похоже, Свету такой куцый аргумент ни в чем не убедил. Впрочем, она решила промолчать.

Если кто из присутствующих и пострадал в свое время от распада Советского Союза, так это прежде всего Света Савицкая. Жила она в Ташкенте и работала на тамошнем радио. После того, как было подписано известное Беловежское соглашение, ее, мягко говоря, стали выдавливать из Узбекистана. На улице она постоянно слышала угрозы в свой адрес, а в магазине и вовсе отказывались обслуживать. Это было тем более странно, что по национальности Светка была еврейкой.

Самым сложным оказалось продать квартиру. И хотя квартира у них была большая и в центре города, вырученных денег хватило лишь на то, чтобы доехать до России.

Савицкой чудом удалось устроиться на работу в телерадиокомпанию. Если в ее эфирах и мелькала провинциальность, то чем дальше – тем реже. А насчет картавости ничего не подлаешь – наследие предков.

– Я то не пропаду, – снова проблеял Николай Анатольевич, – а вот что будет с вами?

Казалось, что пот с его носа через секунду потечет ручьем по губам и подбородку. Но он каким то образом все же удерживался на носу.

– Надо что-то делать! – встрепенулся Хрынов.

На его реплику не обратили внимания. Не то чтобы она была неуместна, просто большого веса слово Хрынова в коллективе не имело.

Что касается косноязычия Юры Хрынова, то оно в принципе было исправимо. Побольше занятий с логопедом, и все будет в порядке.

Хрынов до этого работал контролером, ловил «зайцев» на трамвайных остановках. Вскоре все это ему надоело, и он решил заняться карьерой. Устроился не куда-нибудь, а в пресс-секретари мэра города. К несчастью, на этой работе не было места творчеству. Тогда в один из дней он и перешел работать на областное радио.

Надо отдать Хрынову должное, свои корни он помнил. Поэтому периодически делал эксклюзивные материалы о нелегком труде трамвайных контролеров, о том в каких тяжелых условиях им приходится работать, и как самоотверженно они отдаются любимому делу.

Выглядел Хрынов довольно респектабельно: галстук, костюм на стройном теле, выражение лица а-ля «всегда готов». Еще бы немного жуликоватости во взгляде и получился бы вылитый Борис Немцов. Но как раз жуликоватости ему и не хватало, а то бы далеко пошел.

Тут все загалдели, перекрикивая друг друга. Молчал Goldman. Он смотрел на всех присутствующих, поглаживая пузо. Больно уж вся ситуация напоминала провокацию.

Лева Goldman пришел на радио из развлекательной газеты. Поначалу он для своих программ пытался придумать что-нибудь интересное, но когда понял, что кроме него это никому не нужно, стал относиться к работе с прохладцей. В определенном смысле его можно было назвать лентяем.

Когда эмоции присутствующих выплеснулись, заговорила Наталья Романенко:

– Надо идти к председателю телерадиокомпании и выразить свой протест. Еще не хватало нам, чтобы вместо Николая Анатольевича поставили этого голубого.

– Николаев – голубой? – удивилась Вера Михайловна.

– Конечно! Завел любовничков в областной администрации, а теперь через интимные связи пробивает себе должность.

– Я такого не слышала, – вмешалась Савицкая. – Да, и вообще такие слухи распускать неприлично.

– Это не слухи, – буркнул Гуров.

– А ему с нами поступать так прилично? – возмутилась Романенко. – Надо идти к председателю!

Стадо баранов двинулось из кабинета.

Помимо Голдмана помалкивал на оперативке и Серов. Человеком он был хитрым и справедливо полагал, что пороть горячку не стоит. Мало ли как обернутся сегодняшние события.

Владимир Васильевич Серов пришел на радио пятнадцать лет назад молодым парнем сразу после университета. Он пережил конец застоя, перестройку, ваучеризацию – все последние этапы в развитии, если так можно выразиться, России. Любое нововведение он встречал с энтузиазмом, пока не понял, что ничего хорошо все эти перетряски не принесут. Тогда плюнул на все и занялся «джинсой».

Джинса – это левая пиратская реклама, выданная в эфир под видом обычного интервью. За нее обычно и платят «черным налом» непосредственно журналисту, минуя бухгалтерию. Последняя часто даже и не имеет понятия о прозвучавшей джинсе.

Когда все вышли из кабинета и двинулись в кабинет председателя, Серов от греха подальше затерялся в закоулках телерадиокомпании. Еще не хватало ему с делегациями ходить! Остальные же двинулись, куда им указали.

– Николай Анатольевич не должен идти! – распорядилась Наталья Романенко. – Инициатива должна исходить от вас, от народа!

По дороге в курилку делегация наткнулась на Сергея Анатольевича Николаева. Он был высоким стройным черноволосым мужчиной с карими глазами и густыми пышными усами.

Делегация, гордо задрав носы, прошествовала мимо, не удостоив Николаева даже мимолетным взглядом. Лишь Голдман быстро поздоровался с Сергеем Анатольевичем. Игнорировать рукопожатие Лева не мог.

Несколько лет назад, когда он пришел на радиостанцию Николаева в поисках подработки, тот не поленился и стал возиться с Голдманом. Газета газетой, а навыки ведения радиоэфиров надо было прививать. Николаев терпеливо переносил все эфирные ляпы Голдмана, кое-что разъяснял.

Сергей Анатольевич был в журналистике профессионалом высшей пробы. Как никак двадцать лет работы на радио, причем не протирания штанов, а настоящего развития, поисков нового. По большому счету, новый губернатор был действительно ему многим обязан. Без профессиональной подачи предвыборная реклама могла бы и не сработать. А Николаев полностью курировал рекламу нового губернатора в предвыборной компании.

Понятно и стремление губернатора отблагодарить Сергея Анатольевича. Долг – платежом красен. Было бы странно, если бы новый глава области позабыл человека, который ему здорово помог на выборах. Хотя и такое часто бывает.

Так что утверждение Гурова о том, что Николаева могут поставить на его место, имело основания. Не было только вот ясно, чья это была идея: самого Николаева или это губернатор из добрых чувств подсутился, расставляя верных людей на ключевые посты в средствах массовой информации.

Председатель телерадиокомпании, казалось, был озадачен внушительностью нагрянувшей делегации. Такого он не ожидал. С растерянным видом он пригласил журналистов к себе в кабинет.

– Весь коллектив радио пришел просить вас встать на защиту Николая Анатольевича от того произвола, который чинит областная администрация, – с порога заявила Романенко.

– Какого произвола? – не понял председатель.

– Нам известно, что губернатор хочет уволить Николая Анатольевича и назначить на его место Николаева.

– С чего вы взяли? – удивился председатель.

– Ходят слухи.

Похоже, что председатель телерадиокомпании был в курсе событий, но попросту валял дурака.

– Так это слухи, когда будет такое решение, тогда и станем смотреть.

– Тогда будет поздно!

– Да и почему это областная администрация вмешивается во внутренние дела нашего коллектива, – заявила Филимонова. – Мы выбирали Николая Анатольевича коллективным голосованием и не собираемся его предавать.

– О каком предательстве идет речь? – недовольно проворчал председатель. – Областная администрация является соучредителем компании наравне со Всероссийской телерадиокомпанией. Они вправе назначать своих людей.

– Но это попрание свободы слова, – вставил свое Юрий Хрынов.

Председатель раздраженно посмотрел на Хрынова. Он не любил выскочки. Тем более тех, которые из себя ничего не представляют.

– Никакого нарушения конституции здесь нет.

– Мы будем жаловаться во Всероссийскую телерадиокомпанию в Москву, – выдвинула аргумент Романенко.

Председатель поморщился. Он не любил, когда конфликты выплескивались за пределы компании. Одно дело, когда грызня идет внутри, и совсем другое, когда о ней узнают посторонние.

– Пришел к власти красно-коричневый губернатор и начал душить свободу слова, – объяснила Романенко.

Она, казалось, совсем забыла о том, что Гуров, которого сейчас коллективно защищали, был бывшим коммунистом, активно пропагандировал коммунистические идеалы, а с партбилетом расстался лишь, когда это сделали большинство членов партии – в августе девяносто первого.

По взгляду председателя компании можно было догадаться, что он отчаянно пытается выкрутиться из создавшейся ситуации. Она ему самому была неприятна.

Известно, что самое крупное воровство процветает в бюджетных организациях. Чем больше такая организация, тем больше можно украсть.

Самое типичное воровство, практикующиеся практически во всех бюджетных организациях, такое. Приходит, скажем, к тому же начальнику бюджетной конторы старый приятель и говорит, что создал коммерческую фирму. Чем занимается фирма? Строительством, а точнее может покрыть мрамором крыльцо в вашей конторе.

«Зачем нам это надо?» – спрашивает начальник.

«Собственно, вам это совсем не надо, – отвечает старый приятель, ныне хозяин коммерческой фирмы, – но на этом можно заработать».

Как зарабатывают? Очень просто! На покрытие мрамором крыльца выделяется раза в три больше бюджетных денег, чем взяла бы любая другая фирма. Треть суммы пойдет на оплату труда рабочих, а две оставшиеся трети два руководителя делят между собой. Естественно, все

это проводится вполне официально, а вот деньги обе договорившиеся стороны кладут себе в карман «черным налом».

Телерадиокомпания обзавелась мраморным крыльцом одна из первых. Правда, был от этого только вред. На морозе мрамор становился ужасно скользким, и работники компании разбивали себе носы. Когда одна из сотрудниц сломала на крыльце ногу и загремела на три месяца в больницу, решено было прокрыть мрамор ковровой дорожкой. После этого мрамор клали внутри помещений компании, причем в самых неподходящих местах.

Другая история. Едет наш председатель с любовницей на машине. Скорость, понятно, превышает. На повороте машину занесло и несколько раз перевернуло. Пассажиры отделались синяками, а вот машину ждал капитальный ремонт.

Председатель находит идеальное решение проблемы. Фирма по ремонту и продаже автомобилей делала себе на областном радио рекламную компанию. Председатель предлагает автомобилистам не платить деньги за рекламу, а рассчитаться по бартеру: отремонтировать автомобиль, да пригнать еще один новенький. Фирме это выгодно, так как дешевле обходится. Председателю тоже выгодно. Он неофициально отремонтировал разбитый им же автомобиль и получил еще один, не числящийся нигде. Хоть себе забирай. Невыгодно это только самой телерадиокомпании. А кого это волнует?

Или еще пример. Кирпичный завод на телевидении рекламирует свой товар. Вот только денег у завода нет, и рассчитывается он кирпичами. Проще говоря, тем же бартером. А кто бартер проследит? Вот и ушел тот кирпич на строительство трех гаражей и двух коттеджей для председателя телерадиокомпании.

Понятно, что желание губернатора поставить на место заместителя председателя по радиовещанию своего человека, ничего хорошего не сулило. В другой ситуации председатель бы, не моргнув глазом, сдал своего человека и назначил другого, которого прикажут. Сейчас же такой шаг был опасен. Через кого шла неофициальная реклама? Правильно, через заместителя по радиовещанию. Кому приходилось отстегивать? Опять правильно, тому же заместителю. Если его уволить, то что он сделает? И опять правильно, сдаст председателя со всеми потрохами! А если не увольнять? Тогда губернатор может отстранить самого председателя. Во, дилемма! И из нее председателю областной государственной телерадиовещательной компании нужно было как-то выкрутиться. А тут еще «эта быдла» со своими претензиями нагрянула...

Председатель решил чуть приоткрыть свои карты.

– Насколько мне известно, – начал он, – Николаева хотят поставить не на место Николая Анатольевича, а на мое место. И поделаться здесь ничего нельзя, если надавят, то я уйду.

– Но надо же бороться, отстаивать свои права, – заявила Филимонова.

– А как вы их отстоите, Вера Михайловна? Мне звонил председатель Тверской телерадиокомпания. Ему тоже после губернаторских выборов предложили уволиться по собственному желанию. Он отказался. А вечером на улице его отловила какая-то компания. Зажали голову подмышкой, отбили почки и предупредили, что если он не уволится, то пострадает не только он, но и вся его семья. На следующий день он пришел в областную администрацию и подал заявление об уходе.

– Кошмар! – сказала Филимонова.

– Но ведь надо бороться за свои права! – возразила Романенко. – Писать в Союз журналистов России, звонить Швитко – председателю Всероссийской телерадиокомпания.

У председателя было кислое выражение лица. Ему еще не хватало шума. Втихую можно как-то договориться, а если эти идиоты поднимут шум, то благополучный исход проблемы вряд ли возможен.

– Я бы не советовал поднимать шум, – сказал председатель в ответ на свои мысли.

Делегация на этом не успокоилась. Романенко предложила собраться в комнате отдыха и «вызвать на ковер» Николаева.

– Пусть он объяснит коллективу, почему так по-скотски поступает, – сказала она.

Романенко вообще любила так поступать: настроит коллектив, а потом сама уходит в тень.

Так и сделали.

Когда Николаев зашел в комнату отдыха, Филимонова спросила его:

– Не стыдно тебе, Сергей, так поступать?

– Как? – растерялся Николаев.

– Метить на место Николая Анатольевича. И все это за нашими спинами.

– Я не метил на его место, – окончательно смутился Сергей Анатольевич.

– Как же! Мы все знаем! Не стыдно? Я ведь тебя совсем молодым помню. Как ты пришел в компанию после службы в армии, еще в шинели. Ночевал в большой студии.

Это прозвучало так, будто взрослому человеку вменяли в вину то, что он писался в детстве.

– Ты должен ответить коллективу, – вякнул молодой Хрынов.

– Сергей, ты поступаешь непорядочно, – добавила Баранова.

Сергей Анатольевич покраснел.

– Ты должен пообещать нам, что никогда не будешь претендовать на место Николая Анатольевича, – это вновь подала голос Филимонова.

– Я не собирался занимать должность Николая Анатольевича. Более того я уже принят в компанию на должность заведующего рекламным отделом радио. Всего лишь.

Для собравшихся это была новость.

– Обещаю, что даже если мне предложат, я не соглашусь на место Николая Анатольевича.

Вечером у Николаева случился сердечный приступ. Такой коллективной ненависти, связанной с его приходом на радио, он не ожидал. После разговора в комнате отдыха он сразу побросал свои дела и поехал домой отлеживаться. Слишком велик был стресс. Но и находясь дома, он не смог выбросить из головы те обвинения, которые кидали сотрудники в его адрес. В итоге вечером к его дому подъехала скорая помощь. Несколько дней Сергей Анатольевич не появлялся на работе.

А на телерадиокомпании события развивались стремительно. Буквально на следующий день та же инициативная группа затеяла сбор подписей в защиту Гурова. Коллективное письмо, составленное самим Николаем Анатольевичем, планировалось направить во Всероссийскую телерадиокомпанию.

Самое интересное, что подписать «крик души» предложили не только журналистам, но и другим сотрудникам радио, в частности, звукооператорам. Некоторые сотрудники, справедливо считая подписывание коллективных писем делом не вполне достойным, искали способы уклониться от этой процедуры. Под любым предлогом народ пытался на время сбора подписей покинуть стены телерадиокомпании. Леве Голдману это удалось легче всего – он ушел на запись интервью. Звукооператорам было сложнее. У них рабочий день был нормирован, им вменялось в обязанность весь день находиться на рабочем месте. В связи с этим произошел забавный случай.

Звукооператор Михаил Седых находился в одной из студий и занимался звуковым монтажом программы, когда из отдела кадров пришла тетка и протянула ему на подпись бумагу.

– Подпишись в защиту Николая Анатольевича, – глумливо посоветовал ему другой звукооператор Евгений Донцов.

У Михаила вытянулось лицо, а Евгений рассмеялся. Нужно было расписаться всего лишь за медицинскую страховку.

Но были и те, кто решил воткрытую отказаться подписывать злосчастные бумаги. Среди них Света Савицкая. Вместо того, чтобы поставить свою подпись, она подошла к Гурову и попросила его:

– Николай Анатольевич, не надо дергать коллектив. Уйди по-хорошему, с достоинством, все равно они добьются своего.

Гуров уходить отказался, но не забыл лишить Савицкую премии. Что примечательно, снял он половину премии и с Николаева.

Волна протеста «демократической общественности» тем временем приобретала новые, доселе невиданные формы. Если Баранова просто подписала бумаги и дальше промывания косточек не подписавшим не пошла, то ее муж с головой окунулся в правозащитную деятельность.

Поговаривали, что в молодости Баранов сидел в тюрьме за изнасилование малолетней особы. На самом деле он действительно сидел, только не за изнасилование, а за бытовое хулиганство.

Было это так. Компания молодых сотрудников на территории телерадиокомпании организовала пьянку. Происходило все на открытом воздухе. Горел костер, жарились шашлыки, водка разливалась по стаканам. Один из телевизионщиков сказал что-то резкое Баранову. Тот не стерпел и кинулся в погоню за обидчиком. А когда понял, что не догонит, выстрелил вслед убегающему из ракетницы. Снаряд попал точно в задницу, которую и разворотил изрядно. У телевизионщика на всю жизнь остались шрамы на интимном месте, а Борисов на три года сел в тюрьму.

Когда юный стрелок вернулся из мест заключения, его пожалели и вновь приняли на работу.

Баранов стал умнее. Пил он теперь только в одиночку. При записи программы он каждые полчаса отлучался к себе в кабинет, откуда возвращался раскрасневшийся и с характерным запахом.

Заведовал он на радио сельскохозяйственной темой. И выбор этот был не случайным. Каждый год можно было рассказывать об одном и том же: посевная и уборочная, озимые и закрома.

К тому же командировки в село представляли определенный интерес. Корреспондента областного радио встречали в колхозах по высшему разряду. Тут тебе и шикарно накрытый стол, ломящийся от закусок и напитков. И русские деревенские девочки в финской бане, заботливо направленные местным райкомом комсомола. И полные авоськи сельских деликатесов, которые Баранов пер домой из каждой командировки.

В постперестроечное время Баранов принял участие в создании партии сельхозпроизводителей, единственным членом которой в области он и был до настоящих дней. Теперь на старости лет Баранов решил извлечь пользу из партийных связей. Он сочинил и послал в центральное отделение партии, находящееся в Москве, пространное письмо, в котором описывал беспредел, творящийся в провинции областными чиновниками. В красках расписал, как здесь зажимают свободу слова и сживают со света лучших журналистов.

Если раньше застать на работе Баранова не представлялось возможным, он появлялся лишь раз в неделю, да и то после обеда, то теперь он каждое утро находился у себя в кабинете. Писал и готовил письма протеста в различные организации. Потом вместе с Гуровым и Романенко садился в служебную машину и разъезжал по инстанциям, развозил письма.

У Баранова были веские причины выступать в защиту Гурова. Если придет новое руководство на телерадиокомпанию, то начнет, видимо, с разгона бездельников. А Баранов справедливо полагал, что его выгонят в числе первых.

Но были и такие, кто свою «правозащитную» деятельность потихоньку сворачивал. Не то, чтобы совсем, а так... Явного ухода в оппозицию Гурову не было. Просто человек продолжал поддерживать Николая Анатольевича, но без каких-то крайних проявлений протеста.

Вера Михайловна Филимонова отработала на областном радио почти сорок лет. Она с самого начала решила не мараться политикой, а занималась местной культурой – приглашала к себе в программы пианистов и виолончелистов, могла месяцами из эфира в эфир знакомить слушателей с какой-нибудь оперной певицей, работающей в ближайшем театре.

Маленькая, худенькая, стройненькая даже в своем солидном возрасте, она бегала из студии в студию, организовывала записи местных музыкантов, была со всеми доброжелательна.

Веру Михайловну подкосило то, с каким злорадством защитники Николая Анатольевича восприняли известие о сердечном приступе Сергея Анатольевича. Филимонова все могла понять, кроме тупой злобы. Нет, она не ушла в оппозицию, просто стала спокойнее и прохладнее воспринимать происходящее. Мужественный шаг, надо сказать! Вера Михайловна была пенсионеркой, и с приходом нового начальства ее карьера могла закончиться вполне плачевно.

А вот Наталья Романенко напротив набиралась злобы день ото дня.

Начала она свою карьеру в крупнейшей областной газете. Во время перестройки, как и многие другие, перешла работать в популярную частную газету. Постепенно выжила тамошнего главного редактора и с достоинством заняла его место. Только вот умения не хватало. Газета стала хиреть от номера к номеру.

Была у Романенко дурная привычка. Она постоянно экономила на сигаретах – пользовалась тем, что сотрудники подадут. А в то время, надо отметить, дефицит был на все, а в особенности на сигареты. Скинутся несколько мужиков из редакции на пачку «Примы» и решают растянуть ее на весь день. Тут приходит Романенко и выкуривает всю пачку. Халява – великое дело!

Когда газета окончательно развалилась под таким «чутким» руководством, Наталья Романенко двинула свои стопы на областное радио. И тут ей крупно повезло!

В телерадиовещательной компании она познакомилась с Николаем Анатольевичем Гуровым. Знакомство перешло в близость. Романенко быстро раскусила Гурова. Заместитель по радиовещанию был человеком добрым, но очень недалеким. Своей интимной связью с Николаем Анатольевичем она достигла того, чего просто не смогла бы достигнуть деловыми качествами, которых было далеко не в избытке. Наталья Романенко стала «серым кардиналом». Через Гурова она полностью контролировала обстановку на радио, руководила всем процессом.

Как от такого руководства не развалилось все областное радио вслед за частной газетой – есть только один ответ. Телерадиокомпания финансировалась из Москвы и поэтому была непотопляемой. Как бы отвратительно не руководили ей, деньги из столицы покрывали все издержки.

Романенко никогда не прощала обид. Ее папа был директором крупного концертного зала и, конечно, во всю поворовывал. Когда это воровство приобрело небывалый размах, папочкой занялась прокуратура. Но любому городу скандалы не нужны. Тогда мэр города решил вмешаться и ценой больших усилий прикрыл дело о воровстве, правда ради этого пришлось папу уволить. Романенко истолковала это по-своему. Она стала мстить мэру города. Не упускала случая сказать в эфире о мэре какую-нибудь гадость. Другая была бы благодарна, что папу избавили от тюрьмы, но не такой была Романенко. Не трогай наших!

Понятно, какая атмосфера была создана в эти дни на радио, и кто ее создавал. Но и губернатор не дремал. Решить вопрос с телерадиокомпанией он поручил своему заместителю – большому человеку из областной администрации Виктору Мефодиевичу Раскатову. Раскатов решил уладить вопрос полюбовно. Насколько это возможно, конечно. В субботу он пригла-

сил коллектив радио в областную администрацию к себе в кабинет, чтобы трезво поговорить о создавшейся обстановке.

Большой человек из областной администрации поднялся к себе в кабинет, а там его уже ждали журналисты с радио. Точнее, не только журналисты. Гуров до кучи пригласил своих доброжелателей: некоторых операторов, работников связи и даже одну повариху из столовой. Не умом, так количеством. Задерживался один Серов.

– Пусть только не явится, – процедил Гуров.

Но и Серов вскоре появился. Все были в сборе.

Раскатов демонстративно поставил на стол диктофон.

– Это для того, чтобы потом мои слова не передегивали.

– А мы даже диктофона не взяли, – заявила Романенко. – Мы и с диктофоном беззащитны.

– Куда уж, кто слух пустил, что мы с Николаевым любовники?

– Никто ничего такого не говорил, – хором подали голос узники совести.

Раскатов обреченно махнул рукой, включил диктофон и заговорил:

– Нами были заказаны исследования на предмет популярности тех или иных средств массовой информации области и совсем недавно мы получили эти результаты. По ним сразу видно насколько упал рейтинг популярности областной телерадиокомпании и в частности областного радио за последние два года. Рейтинг телевидения снизился на сорок процентов, а рейтинг радио – на все шестьдесят. Нам совершенно ясно, что в такой ситуации надо принимать экстренные меры для выведения телерадиокомпании из кризиса.

Почему мы взялись за это дело? Должен напомнить, что областная администрация является соучредителем областной телерадиокомпании наравне со всероссийской телерадиокомпанией. И вполне естественно, что один из учредителей беспокоится о положении дел на его компании.

Для сравнения приведу пример: допустим, на каком-то предприятии за последние два года резко снижается уровень прибыли. Что делает учредитель? Пытается разобраться в ситуации и меняет руководство предприятия. Это вполне естественно! Напрашивается вывод о том, что руководство этого предприятия не справляется со своими обязанностями, и его нужно как можно быстрее сменить. Пока не станет совсем поздно.

Но если вы думаете, что мы подходим к проблеме с одной стороны, то ошибаетесь. У нас уже подготовлены документы о выделении средств на развитие телерадиокомпании. Мы уже сейчас готовы выделить живые деньги порядка пяти миллионов долларов на развитие и реструктуризацию компании. Это большие деньги.

Но какой нам смысл инвестировать такую огромную сумму при старом руководстве? Как уже было неоднократно, деньги будут израсходованы, а пользы от этого не будет никакой. Поэтому и встал вопрос о том, чтобы произвести замену руководства в компании.

Повторяю, мы ставим целью заменить только высшее руководство компании. О том, чтобы увольнять или сокращать рядовых сотрудников вопроса не стоит вообще. А то мне сказали, что журналистов запугивают тем, что все они будут уволены...

– Кто вам такое сказал? Об этом и разговора у нас на радио не было, – подал голос Николай Анатольевич.

– Было, да не в этом дело. Я хочу вам объяснить, что смена руководства – вполне типичный процесс. Возьмите, к примеру, Москву. Выбирают нового президента или премьер-министра, и первое что он делает, это обновляет всех своих сотрудников. И председателя всероссийской телерадиокомпании, в частности, тоже меняет. Вы не можете не знать этого. Приходит новая команда, и вместе с ней к руководству приходят абсолютно новые люди. И даже если после перевыборов остается прежний президент, все равно вся его команда уходит, и приходят новые люди. Так происходит не только в России, так происходит во всем мире. Если человек

несколько лет управляет каким-то производством, то привыкает. Внимание его расслабляется, многие очевидные недостатки он перестает замечать. Не потому что он плохой руководитель. А потому, что взгляд его уже привык, все примелькалось.

Поэтому мы и решили пригласить для работы на телерадиокомпанию Сергея Анатольевича Николаева. Согласитесь, он прекрасный журналист, высокий профессионал своего дела, отлично знающий не только всю радиокухню, но и прекрасно разбирающийся в рекламном деле.

Мы ему предлагали должность председателя телерадиокомпании, но он отказался. Теперь мы ему предлагаем занять пост заместителя председателя по радиовещанию. Он и сейчас отказывается, но, думаю, что мы его в конце концов уговорим.

– Так уж и отказывается? – подал голос кто-то из присутствующих.

– Да, он отказывается. И учтите еще одну вещь. Мы не собираемся увольнять Николая Анатольевича. Мы ему предлагаем равноценный пост на той же телерадиокомпании.

Серов откашлялся и задал вопрос:

– Почему вы решили, что нынешнее руководство телерадиокомпании не сможет вывести ее из кризиса?

– Я уже говорил, что руководство засиделось на своих местах. Нужна свежая струя, новый взгляд. Если мы оставим старое руководство, то ничего не изменится, как и не менялось до последнего времени. Прошло уже десять месяцев с тех пор, как мы пришли к власти. Что сделано за это время для выведения компании из кризиса? Ничего. Где план развития компании? Хоть кто-нибудь его мне приносил? Никто не приносил. А придут люди, которые четко знают: что и как надо делать.

– Мне кажется, что это шаг к коммунистической диктатуре, – заявила Романенко. – Вы же пришли к власти при поддержке коммунистов.

– Да, мы победили на выборах не без поддержки коммунистов, но мы – не коммунистическое правительство области. Все коммунисты остались в различных патриотических движениях. Мы пришли делать дело. И у нас уже получается. Посмотрите показатели в любой сфере, будь то промышленность или социальная сфера.

Споры в кабинете большого человека из областной администрации продолжались около двух часов, но присутствующие к единому соглашению так и не пришли. Раскатов предложил встречаться и впредь, чтобы решать наиболее спорные вопросы.

Вечером Лева Голдман пришел домой и включил телевизор. Показывали фильм «Убийство на радио». Леве запала одна фраза из фильма: «Грязь поглубже ты копни, но смотри, не утони».

На улице уже начинало темнеть, когда из дома где «мужик с пистолетом» показалась странная парочка.

Собственно говоря, весь этот перекресток в народе назывался никак иначе, а «мужик с пистолетом». Все дело было в странном доме, на торце которого висело громадное панно с изображением солдата, в стремительном рывке поднявшего руку с пистолетом вверх. Изображение было настолько несуразным, что местные жители его сразу окрестили «мужиком с пистолетом».

Чертовщина происходила и с самим домом.

Началось все еще во времена строительства. Как-то в первом подъезде на восьмом этаже прораб стройки внезапно захотел справить малую нужду. Будучи человеком интеллигентным, что вполне естественно при такой профессии, он не стал гадить в будущих квартирах, а вышел на лестничную клетку, открыл люк мусоропровода, расстегнул ширинку рабочих штанов и настроился на «слив антифриза». Дальнейшее отдавало каким-то мистицизмом, но так как свидетелей поблизости не было, приходится исходить из рассказа самого прораба.

Итак, из открытого люка высунулась куриная голова огромных размеров и, со словами: «Ты что же это делаешь, гад?», со всей силы клюнула в сливной краник.

Свидетели происшедшего видели только, как прораб выскочил из подъезда в окровавленных штанах и, дико вращая глазами, стал пронзительно кричать. Вскоре прораба увезла в больницу машина скорой помощи, а прибывший наряд милиции, осмотрев место происшествия, не нашел ничего подозрительного. Происшествие почему-то было списано на похмельное состояние прораба. Ни для кого не было секретом, что у прораба бывали периодические запои.

Другая история была совсем невеселой.

Двое строителей – молодой и старый – сидели у входа в подъезд и курили. Молодой вдохновенно рассказывал старому про то, как накануне вечером занимался любовью с двумя школьницами. Выслушав рассказ, старый работяга резонно заметил, что молодому до баб еще расти и расти. А если кого и трахать, то только деревенских кур. В ту же секунду обоих придавило бетонной плитой – обвалился подъездный козырек.

До сдачи дома на строительстве происходило еще немало всяких гадостей, правда, не с такими печальными последствиями. Во втором подъезде умудрились заложить кирпичами вход в двухкомнатную квартиру. Потом пришлось пробивать ее с помощью отбойных молотков. А в третьем подъезде забыли приварить трубу парового отопления. Выяснилось это уже после сдачи дома, когда целый стояк буквально вымерз с первого по девятый этаж. Но сделать уже ничего нельзя было. Для этого пришлось бы ломать внешнюю стену.

После заселения с этим домом произошло еще одно неприятное происшествие. В квартире номер 113 умер пенсионер и пролежал там больше месяца. Сдохнули поздно, когда пропах весь подъезд. Запах, кстати, чувствуется до сих пор.

Вот из этого самого дома и показалась странная парочка. Двое мужчин шли в направлении торговых рядов, с интересом осматривая окрестности. Было такое чувство, что они здесь впервые. Хотя как это может быть – совершенно непонятно! Они ведь все равно когда-то пришли сюда. Не родились же они в этом доме?!

Один из них был высокий, худой, но не тощий. Благодаря росту, его можно было принять за главного. Возможно, так оно и было. У него было очень интеллигентное лицо со светлой кожей. Волосы тоже светлые, не стриженные по всей поверхности головы, а ровно подрезанные на уровне шеи. Локоны с висков аккуратно зачесаны за уши. Туда вставлены душки очков. Высокий носил очки в металлической оправе. Это были не темные очки, а обычные – какие носят для коррекции зрения. На высоком был длинный зеленый плащ, из под которого виднелись спортивные брюки, заправленные в кроссовки на высокой подошве, отчего мужчина казался еще выше. На вид ему было немного меньше сорока лет.

Очкарик огляделся, скользнув взглядом по вразнобой застекленным балконам, перевел взгляд на неряшливый рынок прямо по курсу и спросил своего попутчика:

– Как тебе все это безобразия, Димыч?

– Что естественно, то не без оргазма, Вадик, – глубокомысленно ответил второй.

«Димыч» если и не был полной противоположностью очкастого, то отличался от него весьма заметно. Роста он был ниже среднего, зато имел тонкий и длинный нос. Губы тоже были тонкими, с чуть загнутыми вверх краями, отчего казалось, что он постоянно улыбается. На коротко стриженую макушку была натянута клетчатая кепка, да так, что слегка загибалась кончики ушей. Одет он был в вареную джинсовую куртку, серые шерстяные штаны и массивные ботинки на шнурках.

Компания двинулась в сторону торговых рядов.

– Чего здесь только нет! – всплеснул руками Димыч. – Ой, маслице...

Друзья остановились возле обширного лотка с разным съедобным импортом. Вадик на секунду задумался, а потом категорично заявил:

- Если тебе нужно масло, то его можно купить.
- Но у меня нет денег!
- Спроси у продавца, Димыч, может она тебе так даст бутылку масла.
- Маслица, Вадик, маслица... К еде нужно относиться бережно и с любовью.
- Чего тут чикаться! Еду на кашки каждый может переводить.
- Заметь, Вадик, на свои кашки. Свои кровные.

Казалось, Димыч только сейчас заметил замерзающую за прилавком продавщицу.

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, синяя?

Продавщица, похоже, не расслышала издевку. Она приветливо улыбнулась и спросила:

- Чего хотите, мальчики?

- Кушать хотим, – живо откликнулся Димыч.

С этими словами он молниеносно приблизился к коробке с морожеными окорочками и, достав самый увесистый, с пристрастием поинтересовался у продавщицы:

- Почем вы, девушки, красивых любите?

Торговка стала догадываться, что над ней подтрунивают, поэтому обиделась и молча ткнула пальцем в ценник.

– Вадик, у тебя бабки есть? – невинным голосом поинтересовался у друга Димыч, усиленно вращая в руке окорочек.

Длинный оторвался от созерцания макушки тополя и беспристрастно произнес:

– Три штуки баксов я одолжил одному корифану, девяносто три доллара под проценты лежат в Российском сбербанке, еще кучка дореформенных деревянных зарыта под угловым гаражом на Градском прииске, а основная сумма – семьсот тысяч баксов вложена в государственные краткосрочные облигации.

- А с собой, с собой есть деньги? – не унимался оголодавший Димыч.

- С собой?

Вадик полез в карман плаща, долго в нем ковырялся, но вопреки ожиданию Димыча, достал лишь длинную, сложенную гармошкой, упаковку отечественных презервативов.

- Повело кота на блядки, – обреченно подвел итог Димыч.

– Я тут не причем, – отвел подозрения Вадик, – это не мой плащ. Мне его в сорок третьем подарил один разведчик. Кажется, он получил героя Советского Союза...

- Посмертно? – внезапно заинтересовалась голодная кепка.

- Пожизненно, без права на амнистию.

- Покупать будете или нет, – взгляд продавщицы следовал за вращающимся окорочком.

– По закону о правах потребителей я имею право снять пробу с продаваемого товара, – возмутился Димыч.

- Смотри, глисты будут, – забеспокоился Вадик.

Но Димыч уже поднес мерзлый окорочек ко рту и с хрустом откусил порядочный кусок. Странно, но продавщицу обеспокоило не то, что куриное мясо потребляют в сыром и, более того, мерзлом виде и не то, что от этого странный покупатель может подхватить глистов, а то, что усиленно поедался товар, за который не заплачено. Продавщица завертела головой. Похоже, хотела позвать на помощь отморозка из местной «крыши».

– Не спеши, под-д-друга! – остановил ее Вадик и тут же показал удостоверение работника госторгинспекции.

– Контрольная закупка, – с набитым ртом проорал Димыч и совершенно неожиданно ударил продавщицу окорочком по голове, отчего та пронзительно заверещала. А Димыч глубокомысленно заметил:

- Свиныя не выдаст – кошка не съест.

К лотку уже спешил охранник.

- Вы что, лохи, горя хотите?

На что Димыч быстро извлек из кармана удостоверение майора отдела по борьбе с организованной преступностью.

– погоди, Димыч, дай-ка я его пристрелю, – вмешался Вадик.

– убивали кого-нибудь на этой неделе? – живо поинтересовался у него Димыч.

– Не-а.

– А на прошлой неделе пришили кого-нибудь?

Длинный отрицательно мотнул головой.

– Стреляй, – разрешил Димыч, сделав руками приглашающий жест в сторону «крышочка».

– Мужики, я ведь не против, – сдался представитель местной «крыши», – но надо как-то по-людски все...

– А мы что? Не люди? – обиделся Димыч и взял с прилавка пачку «Мальборо».

– Ты ведь бросил, – стал укорять его Вадик.

– Понервничаешь тут с вами, опять закуришь.

Но пачку все же положил на прежнее место.

– Ну, ты поел, ненасытный наш, – спросил длинный.

– Все в порядке! Друг спас друга от голодной смерти!

– Тогда пошли! У нас еще куча дел. Или ты забыл, зачем мы сюда прибыли?

– Все я помню, – проворчал Димыч. – Пошли!

И сладкая парочка зашагала прочь. К большому облегчению оставшихся.

Глава А

Актерское мастерство, которое на людях демонстрировал председатель, делая вид, что целиком и полностью поддерживает Гурова, изменяло ему, когда он оставался один у себя в кабинете. У председателя своих проблем хватало. Из-за шума, поднятого на радио, его собственное кресло вполне реально могло закачаться.

Теперь председатель приезжал на работу очень рано, садился спиной к двери и думу нелегкую думал. От звонков телефона он постоянно вздрагивал. Все ждал, что позвонит большое начальство и предложит ему выметаться ко всем чертям.

Когда стрелка часов подвалила к десяти, зазвонил телефон. Председатель дернулся и скрюченной походкой подбежал к столу. Звонил председатель Всероссийской телерадиокомпании:

– Ты что же это, сам не можешь со своими подчиненными разобраться и погасить конфликт? Почему я должен здесь в Москве твоим дерьмом заниматься?

– Эти сво... Они не поставили меня в известность.

– Так разберись с ними! И чтобы больше никаких коллективных писем!

В трубке послышались короткие гудки.

Не успел председатель перевести дух, как телефон вновь зазвонил. На проводе был большой человек из областной администрации:

– Достали меня твои узники совести!

– Что же мне делать? – спросил председатель.

– Готовь приказ об увольнении Гурова. Если запустить это дело, они еще не так развернутся со своими доносами. К концу дня приказ должен быть готов.

Председатель обреченно повесил трубку.

А на радио тем временем начиналось оперативное совещание.

– Позавчера у Раскатова, вы знаете, проходила встреча с коллективом радио, – начал оперативку Гуров. – Там были высказаны замечания по качеству наших программ. Я думаю, некоторым журналистам надо подтянуться.

Гуров выразительно посмотрел на Голдмана и продолжил.

– Больше надо делать аналитических материалов, ходить по городу и записывать голоса людей, ездить в область и делать проблемные репортажи.

И еще, я не за кем бегать не буду. Сейчас какая ситуация, все должны работать своей головой, мобилизовать свои силы, чтобы претензий к нам никаких не было.

Теперь по вопросу, по которому мы собирались у Раскатова. Все, кто там был, ситуацию поняли. В коллективе разногласие, не все ведь высказались в защиту Николая Анатольевича...

Гуров заговорил о себе в третьем лице.

– Я бы хотел, чтобы высказались все! Председателю на раздумье дали два дня, чтобы уволить Николая Анатольевича. Сказали, иначе ты будешь с Серовым гнить в тюрьме.

– Надо осторожней себя вести, Николай Анатольевич, – проявила заботу Филимонова.

– А что теперь осторожничать? Мне дали понять, что все, о чем здесь говорится, тут же узнает Раскатов. У нас есть люди, которые ему все это передают, что для меня, в общем-то, уже не секрет. Пусть это будет на их совести. Я с Николаевым работать не буду! Чтобы зря не подставляться, я должен знать, что все люди меня поддерживают. Если коллектив дружный, мы должны показать это. И вообще, дружба проверяется не на пьянках, а на таких вот тяжелых ситуациях. Если мы хотим двигаться до конца, то сегодня же мы должны писать письмо в союз журналистов.

– И подписи! Собрать все подписи! Пусть даже кого-то сейчас не застанем, днем распишутся.

Это вклинилась Баранова. А Гуров продолжал:

– Меня председатель будет уговаривать уйти, и я уйду.

– Нет, Николай Анатольевич, нужно стоять до конца, – возразила Баранова.

– Надо всем собраться и проголосовать, – сказал Хрынов.

– Я уйду, не все меня поддерживают, – гнул свое Гуров.

– Николай Анатольевич, – это Филимонова подала голос, – если все в субботу пришли на встречу с Раскатовым, значит, все поддерживают вас.

– Пришли, но не высказались...

– Мы просто слушали его, ведь он говорил в основном.

– Кто-то передал Николаеву и Раскатову, что якобы у них интимные отношения, а об этом разговор шел только у нас на радио, ну может еще на телевидении. Значит, точно у нас стукач завелся, – Гуров помолчал и добавил. – У нас завелся стукач.

Наступила тишина, которую прервала Романенко:

– Давайте разрабатывать тактику, организовывать собрание и чтобы люди подписывались под письмом в союз журналистов.

– Кроме союза журналистов еще куда-нибудь надо послать письма, – произнес Баранов.

– Что мы писать-то будем? – спросил Серов. – Я не понял, против кого? Против кадровых перемещений?

– В защиту Николая Анатольевича, – пояснил Хрынов.

– О давлении областной администрации на свободную прессу, – уточнила Баранова.

– О методах работы областной администрации с прессой, – подвел итог Гуров.

– Такого еще не было никогда за время нашей работы, – подливала масло в огонь Романенко.

– Вы меня извините, – сказал Гуров, – у председателя очень сложная ситуация. Он мне сказал: «Либо – ты, либо – я». А я скажу почему! Организуется областной канал на нашей базе, и должна пройти реорганизация телерадиокомпании. Это чтобы вы тоже были в курсе. И они имеют права назначить своего председателя. Но могут они сделать еще проще. Назначат Николаева первым замом председателя, а нашего председателя уволят. Тогда Николаев автоматически, как первый зам, займет место председателя. А я повторяю и клянусь, что с Николаевым в одной компании работать не буду. Я уйду.

– Мне бы не хотелось, чтобы сбор подписей происходил под давлением, – внес справедливую нотку Серов.

– Да ты что, Володя? – удивилась Баранова. – Это дело каждого, подписывать или нет.

– Для того, чтобы дальше двигаться, надо выяснить ситуацию в коллективе, – уточнила Романенко. – Если коллектив или какая-то его часть считает, что возможно развитие событий по плану областной администрации, что ж делать? Каждый будет принимать свое решение, только и всего.

Савицкая до сих пор молчала, но тут подала голос:

– Не навредим ли мы себе этими письмами? Ведь ходят же упорные слухи, что Москва хочет забрать у нас проводное вещание и оставить на нем только «Радио России».

Слух этот, действительно, последнее время сотрясал областное радио. Всероссийская телерадиокомпания, исходя из этих слухов, могла оставить областному радио только средневолновый передатчик, а радиоточка, которая есть в кухне каждой квартиры, целиком бы досталась московским радиостанциям. Такое решение похоронило бы областное радио. Слушательская аудитория снизилась бы до минимума, фирмы перестали бы заказывать рекламу. Короче, быстрая смерть.

– А что? Нас администрация спасет? – задал вопрос Гуров.

– По крайней мере, они обещали пять миллионов долларов. Это огромные деньги, которых бы нам хватило на много лет. Да, и радиоточку губернатор может отстоять.

– Чтобы потом только про него и трезвонить целыми днями? – спросил Гуров.

– Да, мы и про бывшего губернатора трезвонили, разве что не говорили про то, как он на горшок ходит, – парировала Савицкая.

– Так! Я вижу, что коллектив наш действительно разделился, нет сплоченности, – зловеще произнесла Романенко.

– Какая сплоченность? Это что? Монолит? – возразила Савицкая. – Я ведь вас просто спрашиваю: вы задумывались о нашем будущем в войне с администрацией? Надо же хоть немного вперед заглядывать! Разве Раскатов сказал, что всех уволит? Он сказал, что все останутся на своих местах. И даже Николай Анатольевич будет работать на телерадиокомпании. Только на другом посту.

Слово взял Серов:

– Мне непонятно, как они смогут тебя убрать, Николай Анатольевич, – заявил Серов. – Приказ в любом случае имеет право подписать только председатель.

– Если они увидят, что в коллективе нет согласия, то додавят председателя и он уволит меня. А без меня вы все пропадете. Кто вас будет защищать от произвола? Мне легче просто уйти, но вы то выживете при этом?

– Короче говоря, надо писать письмо в союз журналистов, и на рассмотрение этого письма пригласить представителя президента по нашей области, – подвела итог Романенко.

– А ты думаешь, руководитель областного отделения союза журналистов России пойдет на это? – возразил Серов.

– Он, конечно, скользкий тип, но не до такой же степени, – ответила Романенко.

– Тогда надо создавать инициативную группу из нескольких человек. Пусть они пишут текст письма, а кто хочет, тот добровольно его подпишет.

На этом оперативное совещание закончилось. Но настрой был как в песне: «Мы живем в такое время, нельзя от битвы оставаться в стороне».

Тем не менее, радио изрядно опустело. Звукооператор Михаил Седых внезапно вспомнил, что у него больна мама, и ее срочно нужно везти в больницу. А кое-кто просто ушел домой и отключил телефон. Некоторые сомневались. Они звонили пресс-секретарю губернатора Петру Васильевичу Малькову и советовались – стоит ли подписывать злосчастное послание. Мальков отвечал в том смысле, что ему наплевать.

Николай Анатольевич Гуров после оперативки заглянул в кабинет председателя телерадиокомпании.

– Мы подписи в союз журналистов собираем, – похвастался он.

– Под меня копаешь, гад, – злобно процедил председатель.

– Я себя спасаю.

– А меня свалить хочешь? Тебе же предложена хорошая должность. Или думаешь, что там меньше украсть можно будет?

– Насчет воровства, я бы помолчал на твоём месте. Сам хорош!

– Я по крайней мере не попадаюсь, – обиделся председатель.

– Смотри, тоже попадешься! Если меня скovyрнут, то не думай, что ты чистеньким выберешься. А у тебя там дела посерьезнее моих. Так что береги меня, как самое дорогое, что у тебя есть.

Гуров вышел, хлопнув дверью.

Председатель хоть и был взбешен, но отдавал себе отчет, что если Гурова капитально прижмут, то и ему мало не покажется. Он снял трубку телефона и позвонил Раскатову:

– Еще раз добрый день, Виктор Мефодиевич! Я хотел уточнить, с какой формулировкой мне готовить приказ об увольнении Гурова?

– С переходом на другую работу. Мы же обещали его не выгонять.

Вариантов не было. Председателю оставался только единственный выход – как можно дольше тянуть время. А там, глядишь, что-нибудь произойдет. И нужда в написании приказа на Гурова отпадет сама собой.

Тем временем, письмо в областное отделение союза журналистов было готово и подписано все же большей частью сотрудников. Инициативная группа в составе Романенко и Баранова села на служебную машину и отвезла копии руководителю местного отделения союза журналистов и представителю президента России по области.

Оба защитника свободы и демократии тут же позвонили большому человеку из областной администрации и продиктовали в трубку текст письма, перечислив всех, кто его подписал. Им тоже не нужны были лишние скандалы. А доносить на подчиненных они привыкли еще в славное застойное время.

На следующий день Николай Анатольевич Гуров остановил в коридоре компании Леву Голдмана.

– Где ты был вчера после обеда?

– Я дома готовил материал для эфира.

– А почему дома?

Голдман вздохнул:

– Потому, Николай Анатольевич, что у меня в кабинете нет компьютера, а дома – есть.

Поэтому дома мне готовить тексты удобнее.

– Мог бы от руки написать и машинисткам отдать...

– От руки я писать отвык... Да, в чем собственно дело? Я же не водку пил дома, а работал на благо областного радио. Причем, работал до позднего вечера.

– Ты все равно должен был меня предупредить!

– В следующий раз так и сделаю.

– Не забудь, пожалуйста. И приходите, кстати, нужно на работу с утра. А то надо кого-нибудь отправить на пресс-конференцию, а на радио – ни души.

– Ладно, – согласился Голдман.

– Да, вот еще, – Гуров протянул листок. – Прочитаешь в своем эфире объявление и приложишь к другим, чтобы отправить его в рекламный отдел.

Голдман взял листок и пошел на студию. Там уже находился звукооператор Михаил Седых. Коллеги поздоровались.

– Чего с таким несчастным видом заявился? – поддел Леву Михаил.

– Да, Гуров задолбал: рано ушел, поздно пришел – завел бы себе хомячка и до него докапывался.

– И до тебя, значит, очередь дошла!

– А что? Он и тебе что-то говорил?

– Нет. Меня сия участь пока миновала, а вот по Светке Савицкой Николай Анатольевич уже проехался.

– Чего хотел?

– Того же самого. На работу надо ходить по звонку. Только с ней он разговаривал в более резкой форме.

– Потому что женщина?

– Потому, что ты хоть и не подписал коллективный донос, но молчал «в тряпочку», а Светка еще и открыто высказалась. Вечно эти евреи себе приключений на одно место ищут...

– Думаешь, Гуров уволит ее? – забеспокоился Лева.

– Уволить – не уволит, по крайней мере сейчас, а вот кровушки попьет.

– Так он и до тебя доберется. Ты ведь, Миша, тоже смылся, чтобы не подписывать всю эту муру.

– Так я всего лишь звукооператор, а не журналист.

– Им-то какая разница, когда к Раскатову в администрацию ходили, брали до кучи всех кого только можно было.

Тут Седых переключил свое внимание на бумажку в руках у Goldmana.

– Что это у тебя?

– Гуров какое-то рекламное объявление сунул.

Коллеги переключили свое внимание на текст:

«Если вы хотите заказать рекламу на областном радио, но живете в Пендекряково, а не в областном центре, то вам совсем не надо ехать к нам. Достаточно всего лишь позвонить по пендекряковскому телефону: 5-11-72. И ваша реклама прозвучит у нас в эфире. Запомните телефон: 5-11-72.»

Пендекряково был небольшим городком в области.

– Что-то новенькое, – удивился Goldman. – У нас что – открылось представительство в Пендекряково?

– А то ты не знаешь, – не поверил Левиному изумлению Михаил.

– Чего я не знаю?

– В Пендекряково живет племянник председателя нашей компании.

– И он, председатель, решил через своего племянша пропускать всю местную рекламу? – догадался Лева.

– Естественно...

– Круто! Я тоже хочу, чтобы через меня тутошняя реклама проходила.

– Но ведь ты, Лева, не являешься племянником нашего дражайшего председателя.

– Зато я здесь работаю.

– Это ровно ничего не значит, – объяснял Лева, как ребенку, Михаил. – К тому же племянничек тоже у нас работает.

– Что значит «у нас»?

– То и значит! Он уже целый год работает в штате областного радио. Причем зарплата у него повыше твоей!

– Я его ни разу здесь не видел, – еще больше изумился Goldman.

– Так он в Пендекряково живет. Не ездить же ему оттуда каждый день в областной центр на работу...

– Савицкая ездит.

– Савицкая не является племянником, и даже племянницей, председателя.

Goldman задумался.

– То-то я смотрю: в ведомостях на получение зарплаты мне попадаются совершенно незнакомые фамилии.

– А если бы ты был еще внимательнее, то обратил бы свое внимание на то, что напротив незнакомых тебе фамилий суммы проставлены более солидные, чем скажем напротив твоей.

Осведомленность Седых была великолепной. При этом сам он обычно мало интересовался различными слухами в компании. Этот пробел с лихвой заполняла его жена. Она работала на телевидении и владела полной информацией о делах, творящихся в компании, различных подводных течениях, мнениях, была в курсе всех последних сплетен и скандалов. Вечерами, дома она выплескивала на мужа потоком весь объем «жареной» информации. Михаил, впрочем, слушал сплетни в пол уха, но в памяти они все же откладывались.

– Во, кумовство развели! – чуточку с завистью сказал Лева. – У него же итак в компании дочь работает.

– И зять еще. А у Гурова – брат. Да и оклады у них всех поприличнее наших с тобой.

Goldman надолго задумался. Потом медленно, как бы нехотя, взвешивая каждое слово, произнес:

– У меня и родственников столько нет. В тридцатые годы ребята-партократы постарались. Знаешь, это, конечно, грех, но я, Миша, порой жалею, что по родственникам нашего председателя в свое время не прошла репрессивная машина.

Голдман помолчал.

– А, может, в то время наши предки были по разную сторону баррикад? Условно, конечно. Моих предков расстреливали, а доносы писали предки нашего председателя? А может быть и приговор непосредственно приводили в исполнение?

Седых тактично молчал.

– Мой дед был главным редактором газеты «Сталинградская правда». В тридцать пять лет его расстреляли. Молодой такой подающий надежды редактор был. Новая пролетарская интеллигенция. У него в родне ведь не было голубой крови. Одни батраки и алкоголики. Он один такой был. Закончил университет, и вперед. В тридцать лет уже руководил газетой. Не самой мелкой, замечу.

Голдман продолжал.

– Пришли ночью. Дед сразу все понял – молча стал одеваться. Но оказалось, что пришли не только за ним одним. Когда деда арестовывали, моему отцу было четыре года. Я ведь совсем недавно узнал, что у меня еще дядя был – это младший брат отца. Тогда ему было всего два года.

Бабушка стояла и держала младшего на руках. Чекисты вырвали его у нее из рук.

Деда забрали в НКВД, немного попытали для порядка и там же расстреляли. Бабушку отправили в ссылку в Сибирь. Да, какая она бабушка – ей тогда и тридцати еще не было. А детей – в приют.

Врут про республику ШКИД. В приютах работали одни звери. Младший есть не мог сам, болезнь зубов какая-то. Его решили просто не кормить, чтобы не возиться. Всего надо было помочь во время еды. Не нашлось ни одного воспитателя с минимальными задатками совести. Там он и умер от голода.

Потом лишь, много лет спустя бабушка узнала, какой был донос. Соседям приглянулась квартира деда. Вот и написали в органы всякую гадость. А когда чекисты семью уничтожили, въехали в нашу квартиру.

Михаил включил электрический чайник. Тот бодро зашумел. В тишине заварили чай и разлили по стаканам. Помолчали, отхлебывая напиток. Вдруг Михаил Седых улыбнулся.

– Ты знаешь, тут сегодня скандалчик случился. В бухгалтерии сломался компьютер. Раньше наше доблестное руководство получало кровно заработанные по отдельной ведомости, а сейчас подготовили одну для всех. И говорят, там в отдельных графах суммы фантастические проставлены. Скажем, у нашего горячо любимого председателя только одна премия – десять тысяч долларов в этом месяце. Это, не считая основного заработка.

– То-то ему так не хочется уходить. Да и Гурову тоже. А сколько они еще наворовывают. По крайней мере, председатель.

– У-у-у-у! – взвыл Мишка.

– Пойти в председатели, что ли?

– Тебя не возьмут. Чтобы быть начальником, надо пройти целую школу.

– Ну, просвети, знаток начальственных душ, – засмеялся Голдман.

– Я в какой-то книге вычитал про методы достижения высот в карьере. Во-первых, начальник должен льстить вышестоящему начальнику.

– Это и так понятно. Но разве сложно иногда льстить?

– Не скажи. Тут целая наука. Умелая лезть – это почти всегда сильное и безотказное средство. Но есть одна деталь. Лезть должна казаться человеку правдой. Иначе, вышестоящий начальник ее быстро раскусит. К тому же и сам ты должен производить впечатление умного человека. Кому понравится лезть из уст дурака?

– Но согласись, Михаил, что у нас начальство к себе в подчиненные старается набирать если не дураков, то посредственностей. И в данном случае лезть подчиненных по отношению к председателю не поможет.

– Конечно, не поможет. Это я так про лезть сказал. У нас другая ситуация. Годами умышленно на работу принимали посредственностей. Заметь, не дураков, а именно посредственностей. Зачем, спрашивается, это надо? Ведь с талантливыми профессионалами в подчинении проще и легче работать. Эффект куда выше. А вывод напрашивается сам. Случись ситуация, подобная нынешней, и все посредственности сразу же станут на защиту своего начальника. И не потому, что они его любят и ценят. А потому, что они не дураки. Они прекрасно сознают, что придет новая метла и всех посредственностей с работы к чертовой матери. Они сознают, что плохие работники и знают себе цену.

– Теперь мне понятно, отчего эта война возникла!

– Мне кажется, что здесь все гораздо тоньше.

Михаил с громким стуком поставил стакан на стол.

– Ладно, пора работать.

– А как же другие методы достижения высот в карьере? Ты не расскажешь? – не мог успокоиться Голдман.

– Как-нибудь в другой раз.

Лева издал непонятный утробный звук, символизирующий, по всей видимости, разочарование. Он поставил свой пустой стакан на стол рядом с Мишиным и закурил. Внезапно его лицо прояснилось.

– Слушай, Миш! Если ведомости готовы, значит должны деньги давать?

– Завтра, милоч, завтра.

– Это уже радует.

На следующий день было назначено внеочередное заседание местного отделения Союза журналистов России. Внеочередным оно было из-за срочности одного пункта повестки дня. Предлагалось рассмотреть ситуацию, сложившуюся на телерадиокомпании.

Председатель компании приехал на заседание не один. Вместе с ним в служебной машине прибыла Наталья Романенко. Однако, по выражению лица председателя можно было догадаться, что такая попутчица не доставляла ему радости.

Увидев председателя местного отделения Союза журналистов, председатель телерадиокомпании быстро подошел к нему, шумно поздоровался и что-то быстро шепнул на ухо. Причем, сделано это было так, что остальные присутствующие ничего не заметили. Председатель Союза журналистов сделал понимающий взгляд, а потом объявил присутствующим:

– На заседании будут присутствовать только члены правления!

– А как же я? – вырвалось у Романенко. Она единственная из присутствующих не входила в правление Союза журналистов.

– А вы подождите за дверью. Думаю, заседание не займет много времени.

Заседание, действительно, поражало своей скоротечностью. Благо вопросов о положении районных газет не было – редакторы «районок» просто не успели бы приехать. Быстренько пробежались по положению с бумагой и типографскими услугами и перешли к последнему вопросу в повестке дня.

– К нам поступило коллективное письмо от журналистов областного радио, – начал глава местного отделения союза. – В нем в частности пишется, что новая администрация области, а в особенности лично Виктор Мефодиевич Раскатов оказывает давление на руководителей областной телерадиокомпания с целью увольнения выбранного общим голосованием коллектива радио заместителя председателя компании по радиовещанию Николая Анатольевича

Гурова и последующего назначения на это место ставленника областной администрации Сергея Анатольевича Николаева.

– Сказка о том, как Николай Анатольевич поссорился с Сергеем Анатольевичем, – глумливо шепнул кто-то из сидящих.

– Я бы попросил внимания, – возвысил голос председатель Союза журналистов. – Авторы письма настоятельно требуют, чтобы мы разобрались в этой ситуации и защитили всеобщего любимца коллектива Николая Анатольевича Гурова от нападок новой власти, нарушающей закон о средствах массовой информации и конституцию России...

Председатель союза заглянул в письмо и поправился:

– Так, по крайней мере, написано в этом документе.

– Что ж, разберемся, – подал голос кто-то из присутствующих.

– Сделать это просто, – вновь перехватил инициативу глава союза журналистов, – так как у нас на заседании присутствует лично председатель государственной телерадиокомпании.

Председатель компании встал и, откашлявшись, начал:

– Думаю, зря вы решили разбирать это письмо. Все, что сейчас происходит в стенах областного радио, является внутренним делом телерадиокомпании.

– Мы получили письмо и обязаны на него отреагировать.

– Тогда понятно. Но дело в том, что ни о каком увольнении кого бы то ни было вопрос не стоял в принципе. Имеются планы переместить Николая Анатольевича Гурова на другую должность: не менее значимую и также хорошо оплачиваемую. Но это, повторяю, внутреннее дело компании.

– Тогда вопрос закрывается сам собой, – председатель союза добавил чуть торжественности в голосе. – И внеочередное заседание местного отделения Союза журналистов России можно считать закрытым.

Присутствующие стали подниматься со своих мест.

На выходе председателя телерадиокомпании с нетерпением поджидала Наталья Романенко.

– Ну как, отстояли Николая Анатольевича?

– В машине скажу. Пошли быстрее, я тороплюсь.

Председатель на самом деле торопился. Ему надо было как можно быстрее отчитаться по заседанию перед Раскатовым и, что немаловажно, получить в бухгалтерии рекламную премию.

– Ну как? – взялась за свое в «Волге» Романенко.

– Все прошло прекрасно! Я выступил перед присутствующими с, прямо скажу, пламенной речью и потребовал, чтобы союз журналистов безотлагательно принял меры по защите Николая Анатольевича от антиконституционных действий областной администрации. Думаю, что заседание журналистов прошло не зря, – вдохновенно врал председатель.

– Когда же они будут принимать меры?

– Не знаю. Все, что зависело от меня, я сделал. Дальше дело за ними.

Романенко удовлетворенно хмыкнула.

Объективности ради, надо заметить, что день для председателя вышел тяжелейшим. Дурацкие собрания, звонки руководству области, всякая суета, необходимость врать больше обычного... Поэтому, получив рекламную премию, председатель решил прогуляться пешком – пройти через парк прямо к своему блавному дому, где давали квартиры в свое время только тем начальникам, которые били все рекорды подхалимажа, стукачества и беспринципности.

В любом городе есть десяток домов старой постройки, поражающих своей массивностью, респектабельностью и роскошью. Думаете, там даже в старое время жил хоть один простой учитель, работяга или рядовой коммунист? Да, никогда такого не было! Квартиры в таких

домах получали крупные начальники, особо преуспевающие в коррупции, воровстве и подхалимаже. Еще там жили крупные начальники НКВД, собственными руками расстрелявшие десятки честных людей. Если изредка в таком доме и селили героя войны, то лишь для того, чтобы показать свой либерализм.

В нынешнее время часть квартир в этих домах была перекуплена новыми русскими, в основном тоже имеющими родственные корни с партийной и репрессивной номенклатурой. Ничего не изменилось.

Дом, в котором жил председатель тоже строился для партийных жополизов. Но сдан в эксплуатацию он был в начале восьмидесятых, а тогда уже, даже если очень хотели, все равно не могли строить так хорошо, как в свое время это делали пленные немцы. Поэтому и вышел он какой-то негармоничный: большие коридоры – но маленькие комнатки, огромные лифты – но узкие лестничные пролеты, паркет на полу – но поразительная по своей неудовлетворительности звукоизоляция. Более того, дом пытались воткнуть как можно ближе к центральной площади, где и так максимальная плотность застройки. Поэтому ни о каком скверике во дворе не могло быть и речи. Только помойка от соседствующего ресторана.

Номенклатура всегда славилась безвкусицей. Вполне понятно, почему тогда квартиры в этом доме ценились очень дорого.

Выходя из своего кабинета, председатель сделал вещь, за которую потом благодарил самого себя очень долго. А именно, деньги, полученные за рекламу, которой сам он никогда не занимался, оставил в кабинете, положив в свой личный сейф. После этого дал несколько инструкций секретарше, вышел с территории телерадиокомпании и направился через парк.

Желтые листья остервенело осыпались с деревьев, намекая на предстоящую зиму. Председатель шел по тропинке и шумно пинал листья, размышляя о тяжелой и неблагодарной участи, выпавшей на его долю. Поэтому, он удивился, когда без единого звука перед ним вырос невысокий мужик в клетчатой кепке, вареной джинсовой куртке, шерстяных штанах и массивных ботинках.

Незнакомец вытащил из кармана удостоверение персонального пенсионера и просительным голосом произнес:

– Помогите ветерану психиатрических лечебниц, инвалиду по призванию.

Председатель попытался отодвинуть настырного незнакомца, но тот будто врос в землю. Голос наглеца в клетчатой кепке стал плаксивым, с какой-то визгливостью:

– Я ведь знаю, ты сегодня получил рекламную премию и готов со мной поделиться.

– Никакой премии я не получал, – по привычке соврал председатель, заодно оглядываясь по сторонам в поисках подмоги. Но никого, как назло поблизости не было.

Незнакомец внезапно заговорил доверительным тоном:

– Я никому не скажу, что у тебя много денег. Свинья не выдаст – кошка не съест. Мы поделим денежки поровну, и это будет нашей маленькой тайной.

– Пошел вон! – выкрикнул председатель и замахнулся на незнакомца.

Он отнюдь не был трусливым человеком, если происходящее не касалось его личной карьеры. Трусил и лебезил он только перед вышестоящим начальством, да еще перед теми, кто мог этому начальству на него накапать. Мужик в клетчатой кепке не подходил под эти категории.

Председатель хотел ударить незнакомца, но в последнее мгновение спохватился, так как тот достал из кармана металлический крюк для подвешивания мясных туш.

– Богатство скрыть легче, чем бедность, – раздался голос за спиной у жертвы.

Председатель оглянулся. Сзади стоял высокий очкарик в зеленом плаще.

– Вот я и говорю, Вадик, что делиться надо, – мужик в кепке сказал это миролюбиво, что дало председателю слабую надежду.

– У меня сейчас с собой нет денег, но я могу поделиться потом, когда у меня при себе будет нужная сумма.

– Вот опять он врет, – возмутился Вадик. – В чем необходимость постоянно врать ни в чем не повинным гражданам? Ты ведь сегодня получил рекламную премию! Получил ведь?

– Получил, – сознался председатель, – но с собой у меня ничего нет.

– Димыч, проверь, – распорядился высокий.

Жертва не успела и глазом моргнуть, как Димыч вывернул у нее все карманы.

– И правда, ничего, – расстроился Димыч.

– Припрятал, значит? – разозлился Вадик.

– Он знал, он знал! – закричал Димыч. – Он нас за дураков держит!

Длинный с разворота ударил председателя по уху. Глава телерадиокомпании упал на спину и заскулил.

– Не так я вас любил, как вы стонали, – укоризненно произнес мужик в кепке и пнул председателя по ребрам.

– Будешь еще утаивать деньги от налоговой полиции? – вопрошал длинный, методично пиная уже лежащего в куче сухих листьев председателя.

Когда он закончил, мужик протянул поверженному председателю, неизвестно откуда взявшийся, чистый лист бумаги и официальным голосом произнес:

– Подпишите здесь, что претензий к нам не имеете!

В конце рабочего дня в кабинет Левы Голдмана пришли звукооператоры Михаил Седых и Евгений Донцов.

– Ну что? Отметим премиальные? – предложил Евгений.

– Погода так и шепчет, – вторил ему Михаил.

– Я, наверное, тоже не откажусь, – согласился Лева. – Сегодня Романенко меня порядком достала. То ей студию освободи, хотя время работы мое, то сидишь не там...

– Она на тебе отоспаться обещала, – просветил Михаил.

– Бр-р-р! – поморщился Лева.

– В смысле, отомстить тебе за отказ подписывать коллективные письма, – пояснил Мишка.

Евгений потянулся к телефону.

– Службу спасения вызывать?

– Валяй!

Донцов позвонил по внутреннему телефону и заказал две бутылки водки с доставкой. На телерадиокомпании существовала служба доставки спиртных напитков, закуски и сигарет нуждающимся. Организована она была энтузиастами своего дела, можно сказать меценатами – доход от продаж был небольшой из-за минимальной наценки.

– А пока можно и покурить, – коллеги достали сигареты и дружно задымили.

– И долго она еще «отсыпаться» будет? – спросил Лева.

– Романенко – женщина злопамятная, – со знанием дела заметил Михаил.

– Отчего ж она такое влияние на Гурова имеет?

– А то ты не догадываешься, – развеселился Женька. – Трахаются они, как свиньи в загоне.

– Что, правда?

– А то! – подтвердил Михаил. – Сволочь она! Когда-то мы вчетвером везде хаживали. Романенко с Гуровым, а я со Светкой Савицкой. Нормально все было. Однажды Наташка с Николаем Анатольевичем поругалась и знаешь, что сделала?

– Что?

– Она моей жене накапала про связь со Светкой.

– Ну, не стерва ли? – возмутился Женька.

– Пришлось отношения прекращать.

– А Романенко как?

– Что ей будет? Как с гуся вода. Через неделю она помирилась с Гуровым и дальше встречаться стала, а мы со Светкой уже ни-ни. После такого скандала какие встречи...

– Сволочь она, – убежденно сказал Евгений. – Потому-то Гуров у нее на побегушках. Что не скажет, то она и делает.

В кабинет зашел седой строгий мужчина и, молча поставив на стол две бутылки водки, занял выжидательную позицию. Голдман отдал ему деньги, после чего гонец удалился.

– Что же получается? Они власть делят, а мы за это страдать должны? – спросил Лева.

– Паны дерутся, а у холопов чубы трещат, – сослался на народную мудрость Михаил.

Разлили ударную дозу – по пол стакана.

– Чтобы все дерьмо всплывало подальше от нас, – двинул тост Михаил.

– И поменьше воняло...

Евгений стал делать рвотно-глотательные движения. Первая рюмка ему всегда давалась тяжело. Пить водку трудно начинать и прекращать, зато сам процесс пьянки дается на редкость легко.

– Что ж они до сих пор «это самое» практикуют? – удивлялся Лева. – Мне это даже на секунду представить противно. Здоровый угловатый Николай Анатольевич и маленькая черненькая неряшливая и вислозадая Наташа. Как они, интересно, трахаются?

– Они давно уже не трахаются, – откликнулся Михаил. – Гуров от Романенко зависит материально. Они на прошлых губернаторских выборах себе хорошо бюджет поправили. Романенко только за предвыборный месяц скопила на квартиру в блатном доме.

– В каком это? – заинтересовался Лева. Жилищная проблема и его самого очень интересовала.

– В том самом, где наш председатель живет.

– Так там же квартиры дорогушие, просто катастрофически!

– Конечно! А ты думал, что на выборах мало левых денег ходит? И Гуров не меньше заработал. Они делились. Романенко выбивает черный нал, а Гуров прикрывает предвыборную джинсу в эфире.

– Стой, – забеспокоился Лева. – Дай-ка я спокойно все подсчитаю, а ты пока наливай!

– А чего тут считать, – вмешался Женька. – Квартира, которую она купила стоит пятьдесят тысяч долларов. Если она по честному делилась с Гуровым, то на двоих это уже сто тысяч. Но я думаю, что они не только на квартиры себе заработали. Наверное, и на черный день немного оставили. Да, председателю еще наверняка отстегивали за молчание.

– Хорошие бабки выходят, – позавидовал Михаил. – А тут сидишь на грошах, и те задерживают.

Вторая прошла как по маслу.

– Я так думаю, что Романенко и без Гурова бы здесь не пропала, – высказал сомнения Лева.

– Сомневаюсь, что Николаев вступил бы с ней в сговор, если б занял место Гурова. В том то и дело, что Николаев не стал бы мараться джинсой, – парировал Михаил.

– И председатель здесь точно подвязан, – подвел итог Евгений.

– Бочонок? – переспросил Михаил.

– Какой бочонок? – не понял Лева.

– Председатель наш, – ответил Михаил. – Ты что, не знаешь эту историю?

– Какую историю?

– Он не в курсе, – обратился Евгений к Мишке. – Расскажи ему.

– Наш председатель, – начал Михаил, – очень славился своей патологической тягой к бабским юбкам. Причем, ко всем без разбора. Сейчас затих малость. Возраст, видимо, сказывается. А лет пять назад, когда ты здесь еще не работал, это было целое бедствие. Примерно в то время вышел жуткий скандал. Какой-то доброжелатель в деталях описал все сексуальные похождения председателя в объемной докладной и анонимно направил в профсоюзную организацию. Это послание с выражением зачитывали на профсоюзном собрании, а присутствующие затаив дыхание вслушивались в каждое слово. В частности, говорилось о том, что на работу он баб принимал только через передок. Представь себе, на телерадиокомпании больше трехсот человек работает, из них двести женщин. И каждую из них поимел наш любимый председатель.

– Так уж и каждую? Некоторых я бы и за деньги не стал пользоваться, – усомнился Лева.

– Это ты. А председатель у нас всеядный. Трахает все, что шевелится. Вернее трахал. Сейчас, не знаю. Но наказания председателю за его грешки тогда не последовало. Уже само то, что такой документ читали прилюдно, было большим достижением перестройки и гласности. Вот после этого за ним и закрепилась кличка – «Бочонок Спермы».

– Или Бочка со Спермой, – добавил Евгений. – Давайте по третьей.

– А еще наш Бочонок – самый известный холявщик в компании, – продолжал Михаил. – Вчера спускаюсь к фонарям, то есть к осветителям, а один новенький мне и говорит. У нас председатель такой демократ, такой демократ. Сидим, пьем водку, а он заходит и просит, чтобы ему налили. Не побрезговал.

– Еще бы он побрезговал, – согласился Евгений. – Этот своего не упустит. Везде норовит на холяву.

– А к нам не зайдет? – забеспокоился Лева.

– Сюда вряд ли. Одно время он вообще пил ужасно. Приходят люди к нему на встречу и найти его не могут. Всех на ноги подняли. Насилу нашли нашего Бочонка. Он, совершенно упитый, на территории под яблоней валялся.

– Как же его на такой пост назначили?

– А вот так и назначили. Всем ведь насрать.

– Есть такая профессия – смешить родину, – процитировал что-то известное только ему одному Михаил.

Еще выпили.

– Когда же этот бардак закончится? – спросил Лева философски.

– Я думаю скоро, – ответил Михаил. – Раскатов своего не упустит. Он быстро додавит местное руководство.

– Хорошо бы, – произнес Лева. – У меня уже нервы ни к черту от этой войны. От этих всяких разборок с подписями.

– Кто лучше: папа или мама?

– Вот именно! Пусть сами во всем разбираются, а я уже слишком стар для всего этого дерьма, – вздохнул Лева. Он любил себя старить.

А из темного окна на него изучающе смотрели две пары глаз. Одна из них поблескивала стеклами очков.

У кого больше всего помощников? Правильно! У тех должностных лиц, которые не хотят работать, либо, что скорее всего, не умеют. Как правило, такие работнички окружают себя массой полезных и бесполезных людей. Причем, зарплата им идет из бюджетных денег, сэкономленных на беднейших слоях населения.

Среди помощников можно найти все слои населения. Например, у депутатов, как правило, в помощниках числятся бывшие уголовники, средней руки торговцы водкой и прочие

незаурядной судьбы граждане. Все они в основном больны одним профессиональным заболеванием. Название ему – похмельный синдром.

Представитель президента в области был далеко не последним человеком, да и полетом повыше, чем какой-нибудь депутат. Потому и помощники у него были более серьезные. Дело в том, что представитель президента не умел писать. Не то, чтобы совсем, но с грамотностью и литературным языком возникали явные проблемы. Для того, чтобы этот, малозначимый для чиновника, недостаток не бросался в глаза, представитель президента взял себе в помощники журналиста.

Саша был талантливым журналистом и умным человеком. Особо на своей работе он не напрягался. Помнил заповедь: журналист продается один раз и только за большие деньги. Сменишь хозяина – карьере конец. В открытую он своего начальника не поддерживал, а не спеша «левой ногой» готовил пресс-релизы, спичрайты и прочую дребедень. Большое количество свободного времени давало возможность плотно заняться любимым делом – пьянством.

Помощник представителя президента шел по центральной улице города, в просторечии именуемой Бродвеем, когда увидел впереди внушительный силуэт Левы Голдмана.

– Привет, оппозиция! – обрадовался Сашка и бесхитростно поинтересовался: – Водку пить будешь?

– А куда я денусь?

Голдман и в самом деле хотел слегка догнаться после вечеринки на радио.

Подшли к киоску и скинулись. Голдман купил бутылку водки, минералки и пару пластиковых стаканчиков. Зашли в ближайший двор и сели на лавочку возле подъезда.

– Почему, собственно, «оппозиция»? – спросил Лева.

– Наслышан, наслышан.

– Романенко рассказывала?

– Не без этого.

– Злая она женщина. К тому же, путает личные интересы с профессиональными.

– Ты давай пей. Не задерживай.

Голдман покорно выпил с полстакана.

Пить трудно начинать и заканчивать. В промежутке пьянство дается очень легко. Любая гадость пьется за милую душу.

– А что конкретно тебе про меня Романенко плела?

– Гадости всякие. Не хочу даже пересказывать.

– Ну, и не надо, – успокоился Лева. – На днях кончится их время.

– С чего ты взял?

– Бочонок должен приказ на увольнение Гурова подготовить. А с ним и Романенко слетит.

– Какой еще Бочонок?

– Председатель наш. Бочка со спермой. Его так телевизионщики прозвали.

– И ты думаешь, что он подпишет этот приказ?

– А куда он на хрен денется, если на него сам Раскатов давит?

– Это еще ни о чем не говорит, – пьяно парировал Саша. Похоже это была не первая бутылка для него сегодня. И не первый день потребления. – Тебе что ли Раскатов нравится?

– Серьезный мужик. Первый раз встречаю порядочного политика.

– В чем интересно его порядочность?

– Ну, такой он... конкретный. Любит дело делать.

– Он что? Для тебя что-то уже сделал?

Голдман задумался.

– Пока вроде нет, но обязательно сделает. Сказал, что уволит Гурова, значит уволит. Мне, конечно, Гурова немного жалко, но больно хочется на новом оборудовании поработать, большую зарплату пополучать.

– Пусть сначала сделает, а потом и говори. Не внушает доверия мне твой Раскатов – бывший директор чекового инвестиционного фонда.

– Ну и что? Все политики нагрели руки либо в фондах, либо на приватизации. Других-то нету!

Сашка протягивал второй стакан. На этот раз водки было налито почти до верха.

– Не хрена так много?

– Я остатки разлил...

– У тебя остатков больше половины бутылки.

Лева с трудом выпил предложенное. Желудок попытался отторгнуть пойло, но Голдман его осадил. Пусть знает – кто здесь главный. Лева запрокинул голову и посмотрел на звезды. На темном небе они блестели ярко как в планетарии. Правда, кружились.

На улице становилось холоднее. Несмотря на обилие выпитого, начинало знобить.

– Может в гости к кому-нибудь забуримся?

– Это мысль.

Пустая бутылка закатилась под лавку. Коллеги встали и, покачиваясь, двинулись на Бродвей.

– Ты звони, а я еще флакон возьму, – распорядился Сашка и двинулся к коммерческому киоску.

Лева накручивал диск, но все безрезультатно. Все знакомые ему вежливо давали от ворот поворот.

«Не сошлось, – думал Лева. – А бывает, всех как прорвет и хором жрут водку, только успевай наливать».

Внезапно к киоску подъехала милицейская машина. Оперативники быстро скрутили Сашку и затолкали внутрь. Машина тут же уехала.

«Что стряслось? Может, он их ограбить решил? Попросил бы денег, у меня еще есть немного. Надо дергать отсюда, пока меня не загребли за компанию. Сашке все равно уже не помочь, тем более что я в таком виде».

Голдман пошел на остановку.

А за несколько минут до этого возле киоска произошла живописная сценка.

Нужный сорт водки Саша нашел на витрине сразу.

– Одну «Столичную», – волна перегара всплыла через окошко киоска беспрепятственно, заставив содрогнуться продавщицу и мужика с телефонной трубкой. Видимо, хозяина точки.

– У нас учет, подождите минут пятнадцать, – неприятно произнесла киоскерша.

– Какой, на хрен учет? Водку давайте!

Весь вечер подсознательно Сашок хотел самоутвердиться. Не потому, что чувствовал свою ущербность. Цену себе, как высококлассному журналисту он знал хорошо. Сознал ее и Голдман, так что перед ним «загибать пальцы» не имело смысла. К тому же между журналистов – это дурной тон. А вот какую-то малограмотную торговку стоило поставить на место. Тем более, что Саша был не просто журналистом, а помощником представителя президента.

– Кому грубишь, работница сферы обслуживания!

В устах Саши это прозвучало издевательски, если не сказать – оскорбительно.

– Смотри, с кем разговариваешь!

Санек сунул в окошко удостоверение, на котором золотыми буквами было вытеснено «Администрация президента Российской Федерации».

– Мужик, уйди отсюда, – подал голос хозяин киоска.

– А ты молчал бы! Налоги лучше вовремя плати и водкой паленой не торгуй! А то...

Помощник представителя президента представил вкус фальшивой водки, его затошнило и он блеванул на витрину.

– Не ссы! Ночью замерзнет – отколупаешь, – сказал он отдышавшись.

Хозяин киоска приподнялся на стуле и запечатлел в памяти фрагмент облеванной витрины. После этого он молча стал набирать номер на своем сотовом телефоне.

– Звони, звони. Себе же могилу копаешь. Налоговую полицию бы на тебя натравить, да времени нет. Мне еще многое сегодня предстоит.

В некоторой степени Саша оказался прав. Почти сразу приехал милицейский «УАЗик», куда его заволокли, предварительно вывернув за спину руки.

– Завтра будете все уволены, – констатировал Санек.

Ментов, похоже, такая перспектива не очень расстроила.

– Документы есть?

– А как же! – Санек достал из кармана солидное удостоверение. – С администрацией президента будете иметь дело, если не извинитесь и не отвезете меня туда, куда я вам скажу.

Один из милиционеров изучил удостоверение.

– Так это твой всенародно избранный нам зарплату задерживает?

– Я бы с вас еще деньги брал за такую работу.

– Хорошо, – разозлился служитель закона.

Сашу избивали не долго, но изощренно. Ночь он провел в камере предварительного заключения.

В час ночи, когда закончились передачи проводного вещания, Таганай подключился к радиоточке и включил усилитель.

– Всем доброй ночи! На линии Таганай!

Отклики не заставили себя ждать.

– Привет, Таганай, на связи Плюс.

– Здесь Волга! Как меня слышишь?

– Белка приветствует господ радиохулиганов.

– Здесь Малыш! Не спите, суки?

Большинство голосов были знакомы, имели характерный тембр, зависящий от типа аппаратуры, которая использовалась для переговоров. Вот еще один знакомый хриплый голос:

– На связи Магнетрон. Как слышно?

Войти в компанию радиохулиганов проводного вещания было совсем несложно. Достаточно было иметь усилитель помощнее, наушники, переключатель и несколько проводов. Микрофон вставлялся в усилитель, выход усилителя через переключатель в радиосеть. Главное было быстро переключиться: после своих слов отключить усилитель от радиоточки и подсоединить к ней наушники. Для этого и предназначался переключатель.

Конечно, за пределами собственного подъезда сигнал от усилителя сильно гасился. Подавляли его различные коммутирующие трансформаторы, мощность терялась с расстоянием. Поэтому и нужны были наушники – из репродуктора мало что услышишь. Но и здесь были свои хитрости. На крыше дома стоят согласующие радиовещательные трансформаторы. На такой трансформатор можно поставить перемычку, заземлить один конец, а дома соединяться посредством батареи. Громкость вещания резко увеличивается, радиохулиган перестает мешать ночами соседям, зато «метит» свой подъезд для карательных служб. В каждой хорошей идее есть свои недостатки.

В любом случае радиус переговоров ограничивался районом города. А районы между собой напрямую не соединялись. Но и этого было достаточно. Порой столько народу собиралось «на проводах», что слово невозможно вставить было.

Сегодня был один новенький:

– В эфире Наркоман! Как меня слышно?
– Привет, Наркоман. Таганай тебя слышит хорошо.
– И я тебя классно слышу, – откликнулся Плюс.
– А у меня голова болит, – пожаловалась Белка.
– Пить меньше надо, – сострил Малыш.
– Голова болит не во время питья, а после него, – уточнил Магнетрон. Он вообще был очень рассудительный.

– А у меня есть водка, – предложил Наркоман.
– Разве Наркоманы пьют? Ответь Белке.
– Я не настоящий наркоман. Меня просто так зовут.
– Может встретимся и погуляем? – предложил Малыш. – Погода стоит – ништяк!
Встретиться решили возле универсама «Северо-западный».

Поначалу на такие встречи ходили с опаской: мало ли что – облава милицейская. Но в последнее время ментам явно было не до радиохулиганов. С сотовыми телефонами бы разобраться, да радиостанциями, работающими без лицензии.

В этот раз собралось человек восемь. Возраст радиохулиганов обычно колеблется от пятнадцати до двадцати пяти лет. Наркоману было тридцать три. У него действительно была бутылка «Довганя». Спиртное распили прямо из горлышка, пустив водку по кругу.

– Еж-тири-куку! – констатировал Наркоман, заглянув через горлышко в пустую бутылку.

Таганая он сразу понравился. У Наркомана была какая-то широта души, открытость. И дело совсем не в великодушно предложенной бутылке водки. Что-то другое. Почти неуловимое...

Через некоторое время основная масса радиохулиганов, наиболее молодая, стала расходиться по домам. Остались только Наркоман, Плюс и Таганай. Плюсу было восемнадцать лет, жил он один в двухкомнатной квартире. Таганая – двадцать шесть. Тоже не мальчик. Для радиохулиганов – преклонный возраст. У него была однокомнатная квартира.

– Нет ничего хуже полумер, – объявил Наркоман и уточнил: – Где догоняться будем?
– Можно у меня, место есть, – откликнулся Плюс.
– С деньгами только напряженка, – признался Таганай.
– С этим пока проблем нет, – успокоил Наркоман.

Взяли еще две бутылки. Для Наркомана это было довольно много, при условии, что он явно принимал до этого. Таганай понял, что основной удар придется брать на себя ему и Плюсу.

Одна из комнат в квартире Плюса была закрыта.

– Здесь живет мама, когда изредка приезжает в город. Она сейчас в деревне. Самое хорошее место, чтобы пережить финансовый кризис, – пояснил хозяин.

Вторая комната гордо именовалась «радиовещательной студией». Обои со стен были содраны, окно заклеено металлической фольгой. Помимо стола с аппаратурой, в комнате еще находилась тахта и старенький черно-белый телевизор.

Расположились на кухне.

Наркоман на самом деле был уже в той кондиции, когда пьют по чуть-чуть. А Таганай с Плюсом быстро наверстывали разрыв. Холява!

– Я – фотограф! – гордо сообщил Наркоман и достал из сумки дорогой импортный фотоаппарат. – Сделайте умные лица!

Отщелкав пару кадров, Наркоман убрал свою технику обратно в сумку.

– А у меня тоже есть фотоаппарат, – похвастался Плюс.

– Мыльница, – презрительно отмахнулся Наркоман, мельком глянув на дешевую камеру. – Я вам настоящие, профессиональные снимки сделаю. Всю жизнь будете хранить. Меня уже не будет на свете, а фотографии останутся. У меня своя лаборатория.

– Сейчас «Кодак» работает, – возразил Таганай. – Фотографии – не проблема.

– Причем тут «Кодак»? Фотографировать надо уметь! Это обыватели думают, что достаточно давить на кнопку камеры, и все получится. Ни хрена! Здесь умение нужно. А оно у меня есть. Когда я вам покажу фотографии, вы поймете, что никакой «Кодак» рядом не валялся. Я делаю художественное фото!

– Неужели сейчас это дает какой-то доход?

– Когда как. На днях присягу в военном училище снимал, так хорошо заработал. А бывает, неделями работы нет. Вот раньше было время! Цветную фотобумагу из Ташкента возили коробками. Сейчас все в магазинах продается. Вот и цены на цветное фото упали.

Еще выпили.

– Может, споешь? – Плюс протянул Таганаю дешевую гитару.

Тот воспринял предложение, как должное и ударил по струнам.

*Я растоплю мечты моей камин
И созову бродяг на именины.
Сплетутся судьбы, словно серпантин,
Как никогда, свободны и едины.
И чистый свет польется в темноте,
Как дождь и как молитва повторится.
Пусть не страдать невинным на кресте.
Пусть тот, кто на этапе возвратится.
Пусть будет утро из перламутра.
Пусть будет полдень светом наполнен.
Пусть будет вечер улыбкой встречен.
Пусть небо звезды подарит всем.
И в жизни вдохновенные опять
Надежды наши озарят нам лица.
И лишь на жизнь мы будем уповать.
Что с нами быть должно, тому и сбываться.
И с новой силой в радужных лучах
Продолжим путь, и будет вспомнен весь он.
Когда и мы на бале при свечах
Когда-нибудь окажемся все вместе.
Но иней вместо маковой росы
Украсит даль, когда опять один я.
Останусь в ожидании весны.
Затравленный, забытый, нелюдимый.
И все еще захвачен высотой,
Рванусь я в зарешеченные окна.
Пусть будет жизнь свободной и простой,
Как школьница, сбежавшая с уроков.
Пусть будет утро из перламутра.
Пусть будет полдень светом наполнен.
Пусть будет вечер улыбкой встречен.
Пусть небо звезды подарит всем.²*

Вскоре Наркоман уснул прямо за столом. Плюс с Таганаем добились остатки водки и завалились спать на тахте.

² Песня Александра Немца (прим. автора).

Похмеляться – святое дело!

Но делать это надо правильно. Превысишь дозу, и лечение плавно перейдет во второй день пьянки. Сашка похмеляться не умел, поэтому, выпив в ближайшем к отделению милиции гастрономе сто граммов водки, купил еще бутылку на вынос и пошел в рекламное агентство «Коммерция и реклама» (сокращенно – «КИР») к знакомым. Но с агентством промашка вышла – так рано там на работу никто не приходил. Тогда Саша двинулся в пресс-службу областной администрации.

Когда он появился на пороге, комнату наполнил стойкий перегар.

– Привет творцам официоза!

– На себя посмотри! – парировала сотрудница пресс-службы Лилька. – Год назад при старом губернаторе сам сидел в этом кабинете.

– Так то год назад было. А где доблестный пресс-секретарь Мальков?

– Петр Васильевич изволит прогуливать. Он вообще редко на работе появляется.

– Молодец он. Я бы тоже прогуливал.

Саша достал бутылку водки и стал ее открывать.

– Кончай здесь распивочную устраивать, – осадила его Лилька. – Забирай бутылку и вали отсюда.

– Почему это?

– Сюда порядочные люди заходят.

– А я, выходит, непорядочный? – обиделся Санек.

– Ты порядочный только когда трезвый.

– Я всего лишь рюмочку, а потом пойду в «КИР».

Тем временем проснулась троица в квартире у Плюса.

– Поднимаю голову, а мозги остаются на подушке, – пожаловался Наркоман.

– Похмеляться надо, – решил Таганай, хотя денег у него не было ни копейки.

– Я ухожу на учебу, – отказался Плюс.

– А я никуда не ухожу, могу и похмелиться, – возразил Таганай. – Нас на работе в вынужденный отпуск отправили.

– Тогда пошли на рынок, – предложил Наркоман.

– Отчего ж на рынок? – удивился Таганай.

– А куда бы ты хотел? – возразил Наркоман. – В гриль-мастер? Там даже на двести рублей толком не оторвешься! А на рынке шашлыки и спиртное без наценки.

Таганай любил отрываться «толком». Поэтому спорить не стал.

Спиртное продавалось в крытом павильоне рынка.

– Возьмем по три бутылочки «Балтики» шестого номера. А там, если не хватит, то чуток добавим, – рассудил Наркоман.

Таганай спорить не стал. Когда нет собственных денег – лучше помалкивать.

Выбор алкогольных напитков – процедура сложная и очень ответственная. Нужно исхитриться так, чтобы потратить наименьшее количество денег и при этом купить хороший напиток. А главное – чтобы похмелье не перешло в пьянку.

Наркоман купил шесть бутылок пива и бутылку крепленого вина про запас.

– Подстраховка никогда не помешает, – здраво рассудил он. – Если что, заберу крепленое домой, для возможных гостей.

На этом самая ответственная часть мероприятия закончилась. Теперь можно было идти к шашлыкам.

Уже почти возле мангала Наркомана остановил улыбающийся молодой человек.

– Наша фирма по продаже импортной телевидеотехники устроила бесплатный розыгрыш призов.

– Что ж, я рад за вас.

Молодой человек протягивал Наркоману половину какого-то лотерейного билета.

– Возьмите, может быть, вам улыбнется счастье.

– А этот билет точно мне не будет ничего стоить? – спросил новый знакомый Таганая, зная, что на рынке полным-полно всяких мошенников. И скорее всего это один из них.

– Нет призы абсолютно бесплатные, – сказал благодетель и, указав на билет, добавил: – Сотрете верхний квадратик, и там будет номер. Подойдете к нашей сотруднице, вон она, у нее таблица, по которой она вам скажет какой у вас приз.

У «сотрудницы» действительно была в руках таблица, любовно вычерченная синим фломастером на куске фанеры.

– Какой у вас номер?

– Пятнадцать, – сказал Наркоман и почему-то зарделся.

– Вы, мужчина, выиграли пятьсот рублей. На эту сумму можете купить что угодно в нашем фирменном магазине.

Тем временем, к ним подошли еще мужчина и женщина со своими билетами. У мужика был приз – двести рублей, и его обещали выдать сразу наличными. А у женщины, как и у Наркомана, скидка на покупку техники. Правда, всего триста рублей.

– Теперь мы устроим торг, тому, кто его выиграет, будут принадлежать оба билета на общую сумму восемьсот рублей, – торжественно вещала обладательница таблицы.

– Еж-тири-куку! А что? Просто нельзя? Так чтобы у каждого остался свой выигрыш? – сомневался Наркоман.

– Нет, таковы правила.

Затем организаторша торга обратилась к обладательнице трехсотрублевого билета.

– Ваш выигрыш меньше, поэтому вы и начинаете торг. У мужчины выигрыш пятьсот рублей, он только должен повторять вашу ставку. Первая, самая маленькая ставка – один рубль. Давайте, женщина, рубль, и если мужчина не даст со своей стороны рубль, то оба выигрыша будут принадлежать вам. А если даст, то ставка удваивается, и тогда уже вы будете давать два рубля.

Женщина с билетом протянула рубль.

– Мужчина, теперь ваша ставка. Вам для начала достаточно дать всего один рубль.

У Наркомана, несмотря на похмелье, в голове что-то сработало. Легче всего распознать мошенничество именно в тот момент, когда с тебя начинают вытягивать пусть даже очень маленькую сумму. А набежать она всегда успеет.

– Мне что-то не хочется торговаться, – кисло заметил Наркоман и сунул ошалевшей обладательнице таблицы огрызок билета.

Возле мангала Наркомана с нетерпением дожидался Таганай.

Мангальщик приветливо кивнул. Судя по всему, Наркоман был немного с ним знаком. Он уже несколько раз заходил к нему, при этом съедал порядочное количество шашлыков. А как известно, мангальщики имеют на руки процент с реализации.

– Зря ты с ними связывался. Это чистейшей воды мошенники.

– Я в курсе. Сразу догадался. Просто интересно было как они будут с меня деньги вытрясать, – возразил Наркоман мангальщику.

– Сколько?

– Сначала по одному, а там, в процессе, видно будет.

Кто-то скажет: шашлыки на базаре брать опасно, неизвестно какое мясо тебе подсунут. Данную точку Наркоман определил методом жесточайшего отбора – опробовал в несколько приемов все шашлыки в округе. Может быть, во время этого отбора он и хватанул где-то соба-

чатинок или человечинки, зато теперь знал точно – покупать шашлыки лучше всего именно в этом месте.

Светило осеннее солнце, дул легкий сырой ветерок, под ногами мелодично чавкала грязь. Состояние было умиротворенное.

В желудках двух радиохулиганов уже очутилось по три шашлыка, и были открыты две последние бутылки пива.

– Комбинаторы опять кого-то крутят, – заметил Наркоман, указывая шампуром в сторону лотков.

Старые знакомые усердно что-то объясняли очередному ошалевшему от счастья посетителю.

– Да они уж третий год этим занимаются, – поведал мангальщик. – Однажды молодую пару кинули на пятнадцать штук.

– Как так можно? – возмутился Наркоман. – Неужели не соображаешь, отдавая такие деньги?

– Азарт – великое дело.

– И как же потом поступила молодая пара?

– А никак! Парень взял свою жену под руку и молча увел.

– Даже дергаться не стал?

– Куда тут дернешься! Денег то уже тю-тю. К тому же их и припугнуть легко могли.

– Милиция небось куплена?

– Не знаю точно, но рыночная крыша их контролирует.

– Значит и милиция в курсях! – подвел итог Наркоман и сыто рыгнул, чтобы выпустить из желудка газы перед очередной порцией пива.

Замаячило красненькое.

К похмельявшимся подошла затрапезного вида старушка.

– Сыночки, помогите, чем можете. Подайте на хлебушек.

– Мать, а у тебя есть справка о доходах? – глумливо поинтересовался Наркоман.

Бабуля истолковала мой вопрос по-своему.

– Нет, так нет. Бог с вами.

Не то, чтобы ему было жалко нескольких копеек. Просто Наркоман не любил, когда подходили вот так нагло. Люди культурно отдыхают, а у них чуть ли не изо рта кусок норвят вынуть. К тому же он где-то читал, что данный вид попрошайничества является злостным. По нему предусмотрена уголовная ответственность вплоть до тюрьмы. Таким «ходакам» он принципиально никогда не давал денег. Сидела бы где-нибудь в переходе – другое дело. Хотя он и в переходах не любил сорить деньгами. Он вообще считал себя достаточно экономным человеком.

– Хорошо, что ты ей ничего не дал, – учил Наркомана уму-разуму мангальщик. – У нее трехкомнатная квартира в центре города с нуля обставлена, и сын на «Мерсе» разъезжает.

Наркоману мало верилось, что старуха обладает таким состоянием, но что она живет лучше него, он не сомневался. Сколько денег она вот так за час настреляет? А сколько он за тот же час пропьет и проест?

Спустя некоторое время вино закончилось.

– Может, еще подкупим? – предложил Наркоман.

В кратчайшее время друзья сходили в павильон и докупили еще три бутылки сухого вина. При ходьбе в животе у Наркомана плескалось и булькало. Но это было даже приятно. От хорошего мяса желудок поет и радуется.

Когда они вернулись, то взяли еще по шашлычку. Теперь пили вино на троих – Наркоман, по доброте душевной, подключил к этому мангальщика.

Когда вино закончилось, а в ногах появилась усталость, Наркоман внезапно вспомнил про Александра. Он работал фотокорреспондентом в одной из городских газет и был очень радушным хозяином. У него в лаборатории всегда можно было пропустить по стаканчику.

– Поехали, – позвал Таганая Наркоман.

С пустыми руками к Александру не поедешь. А пил он только водку. Поэтому прежде чем поймать такси, Наркоман зашел в магазин и купил две бутылки «кристалловской» водки. Она, конечно, была дороже в два с лишним раза, зато с нее не болеешь на утро. Немного подумав, Наркоман прикупил еще чекушку армянского коньяка. Но это так – для шика. Потому и взял немного.

Александр оказался на рабочем месте.

Немедля, троица разлила коньячок по стаканам. Напиток оказался достойным. Только жалко было, что его так мало. Но с другой стороны, Наркоман не мог себе позволить таких трат. На одном коньяке можно разориться. А его цель была всего лишь похмелиться, с меньшим уроном для собственного бюджета.

В ход пошла водка.

– Фотографировал я заезжего генерала для газеты, – хвастался Александр, – так он обещал мне показать хранилище золотого запаса России. Целый бункер слитков.

– А я думал, что золотой запас хранится в Москве, – вяло возразил Наркоман.

– Не только. Он разбросан по всей стране. Почти в каждом крупном городе имеется свой золотой запас.

– Наш-то, наверное, весь растащили еще лет десять назад.

– Не скажи. Запасы еще довольно приличные...

– Насколько приличные?

– На наш с тобой век хватит, – успокоил Наркомана Александр.

К нему в фотолабораторию постоянно заходили какие-то знакомые и исправно остограммивались. Наркоман не возражал, так как был уже пьян. А когда он пьяный, то щедрый. Чего отраву жалеть?

– Мне домой надо идти, – извиняющимся тоном сказал Александр, когда водка безвозвратно закончилась.

– Мы тоже пойдем.

Наркоман не любил долго сидеть в одном месте, тем более, когда нечего было пить. Нет ничего более бессмысленного.

Домой почему-то не хотелось, и он вспомнил, что давно не заглядывал к приятелям в рекламное агентство «Коммерция и реклама». Разбудив прикорнувшего Таганая он неуверенной походкой двинулся к дверям.

На улице вечерело. Прохожие спешили после трудового дня по своим домам. По прежнему светило осеннее солнце, и лужи немного подсыхали.

Наркомана же волновало совсем другое. Неудобно было показываться на людях в нетрезвом виде. Почему-то прохожих он всегда стеснялся больше, чем своих близких. Поэтому, несмотря на то, что до рекламного агентства было два шага, он все же взял такси.

– А у меня денег нет. Командуй сам, – это единственное, что произнес Таганая на протяжении пути.

Чтобы не болеть с похмелья, Наркоман решил не смешивать напитки и вновь взял две бутылки кристалловской водки.

Вдруг захотелось съесть еще один шашлык. Но это было нереально. Базар уже закрылся. Зато воспоминание напомнило ему о том, что не мешало бы под водочку взять закуски. Он взял две банки зеленых оливок с косточками. Между прочим очень рациональная закуска. Чтобы закусить полстакана водки, достаточно одного оливка. При этом выглядит это солидно – не какая-нибудь килька в томате.

В рекламном агентстве все нужные ему люди были на месте. Впрочем, помнил потом произошедшее там, он смутно. Запомнился лишь какой-то маленький, рыжий и бородатый мужик, повторяющий каждые пять минут одну и ту же фразу:

– Я помощник представителя президента, а ты кто?

Кажется, пару раз еще бегали за водкой. Бегал Таганай, а Наркоман только давал деньги. Некоторое время Таганай подремал на диванчике для посетителей и по просьбе присутствующих спел песню на сопутствующую тему.

*Выпиваем пива по три бокала.
Удовольствия – масса.
Выходим на воздух из душного зала.
Шумные, красные.
Что, мужики, по домам не гоже?
Ждет неизбежная склока дома.
Начали с пива, водкой продолжим.
Жизни процесс приведем в норму.
Ах, любо в компании, все понимающей,
Белую распиваем.
Вот стало светлей жизни чаща.
Что, мужики? Добавим!
Есть на сивуху – пьем дешевую.
Дрянь! Но цветом и пахнем.
Жизни идет – огромное шоу.
Что, мужики? Жахнем!
Телок снимаем – хохочут пьяненько.
Шобла гудит в сборе.
День или ночь? Соседи в панике!
Жизни штормит море.
Чьи-то на ветер летят доллары.
Куда? Ха!!! Откуда?
Пьем коньяки, кур жуем с помидорами.
Круто, братва? Круто!
Танцы, базары, понты, зуботычины,
А за око, блин, око!
Жизни тайфун стенами ограниченный
Посуду бьет, окна.
Впустил и вышвырнул в дверь участкового
И протокол тоже.
Что, мужики, все нормально? Все здорово!
И все кривей рожки.
И все упорней входим в экстаз мы
По уши, ровно.
Жизни цунами накрыла нас.
Клево торчим? Клево!
Зенками нашими пучестеклянными
Жизни бурлят недры,
Двигаются крыши, качаются жбаны...
Слышь, мужики, где мы?
Кто-то уже на рогах в космосе,*

*Кто-то промеж ляжек.
Проснулся жизни вулкан, мы в пепле все
Чьих-то грехов тяжких.
И непонятно куда падаем.
Классно, братва? Классно?
Жизни реактор кипит термоядерный.
Все, мужики, гасну...³*

Таганай прервал песню и, видимо, от того, что перетрудило горло, обливал факс, сказав при этом, что это депеша президенту, после чего с чувством исполненного долга завалился спать. Убрать блевотину снарядили секретаршу.

Далее наступил долгий провал в памяти.

Многие люди, оправдывая свои непредсказуемые поступки в нетрезвом виде, ссылаются на то, что ничего не помнят. Наркоман считал, что это не оправдание. Не надо было выпивать! Он вот, например, даже если не мог вспомнить, чего натворил, никогда этого не стеснялся. Человеком он был не агрессивным, может быть лишь чуть-чуть нудным.

Когда ему было десять лет, он стал главным действующим лицом несвойственной для его возраста истории.

Он жил на базе отдыха и занимался тем, чем обычно там занимаются дети этого возраста: купался в озере, загорал на пляже, катал шары в бильярдной и подглядывал за женщинами в туалете. Других занятий у него не было.

Естественно, его бы не отправили на базу без взрослых. Жил он в домике со своим дядькой, незадолго до этого вернувшимся из армии, да с его армейским другом. Дембеля решили отдохнуть на природе до того, как устроятся работать на родной завод.

Распорядок их дня был тоскливо-однообразным. Каждое утро они собирались ловить рыбу, но по причине того, что накануне вечером хорошо загружались водочкой, рыбалка регулярно отменялась. Каждый вечер они брали у лодочника весла, а на следующий день отдавали их сухими. Просыпались они к обеду, готовили еду, главным образом чтобы покормить юного Наркомана, купались, лечились пивом, а к вечеру вновь переходили на водку.

В один из дней в соседний домик заселились две миленькие девушки. Это событие не осталось незамеченным прежде всего наркоманскими воспитателями. Весь день они вертелись вокруг юных особ, застенчиво заговаривая с ними и отпуская неумелые комплименты. Но к вечеру победила водка. Оба нажрались, завалились спать и, как обычно, проспали рыбалку.

На следующий день Наркоман решил их разыграть. Когда они встали со своих кроватей с помятыми физиономиями, он их спросил, помнят ли они, что творили накануне вечером. На лицах воспитателей было недоумение. И тогда он добил их, сообщив, что вечером они грязно приставали к соседкам, а под занавес бегали голыми у них под окнами.

Услышанное было для них шоком. Ничего подобного они не помнили. После они какое-то время стеснялись показываться из домика. А когда настало время готовить обед и в кухне они столкнулись со вчерашними знакомыми, то на дядю и его друга вовсе нельзя было смотреть без сострадания. Настолько несчастными они выглядели.

В конце концов, Наркоман сжалился над незадачливыми кавалерами и раскрыл им свою маленькую ложь. Как они его тогда не поколотили – до сих пор он не может понять. Видимо, у них просто не было на это сил.

Так что иногда с пьяными провалами в памяти все-таки шутки плохи.

³ Песня Александра Немца (прим. автора).

Очнулся Наркоман у каких-то огромных железных ворот. Внутри надрывались лаем собаки. Часы показывали что-то около полуночи.

Самое интересное, что он был не один. С ним был слегка протрезвевший Таганай.

Наркоман вспомнил, что звонил своему знакомому, который ночью работает в охране Колхозного рынка, хотел зайти к нему в гости и угостить. Но окружающая действительность подсказывала, что радиохулиганы находились возле Центрального рынка. Наркоману все это надоело.

– Пойдем отсюда, – сказал он.

Идти-то, собственно, было некуда. Абсолютно никаких идей. Таганай распечатал припасенную бутылку вина и радиохулиганы сделали по несколько глотков.

– Может куда-нибудь к бабам? – предложил Наркоман.

Хотя женщина ему была не нужна. Да он и был не в силах. Мозг из последних сил делал усилия, чтобы удержать его на ногах. На большее организм вряд ли был способен.

Говорят, что самые наглые приставают к женщинам – это импотенты. Возможно. Когда ничего не можешь, то хочется продемонстрировать что ты в состоянии.

– Есть у меня знакомая шлюха в гостинице, – поделился Таганай. – Можем попробовать заставить ее.

На самом деле, знакомой ее можно было назвать с большой натяжкой. Знакомился он с ней в одной большой компании и практически не знал.

– А если не получится, пойдем в «Сосновый кий».

– Это после...

На всякий случай друзья направились в нужном направлении. Ноги плохо слушались. Тело было усталым и проспиртованным.

На следующей улице их окликнули несколько беспризорников. Человек пять. Старшему около двенадцати лет, остальные еще моложе. Спрашивали, конечно, закурить. Расщедрившись, Наркоман дал три сигареты.

– Дядя, травки не надо? – спросил старший.

Про себя Таганай окрестил его «бугром». Похоже, так оно и было.

– Травки мы не хотим, – ответил Наркоман. – А вот вином можем угостить.

– Спасибо, – старший взял бутылку и сделал глоток, потом передал ее своему приятелю.

Другим он даже не предложил.

– Чего же у вас кроме травки ничего нет? – начал Наркоман воспитывать бугра. – Надо иметь полный ассортимент. Сейчас без ассортимента никак нельзя.

Наркоман немного подумал.

– А девочки у вас есть?

– Нет.

Похоже главному было неудобно перед своей компанией, ведь он чего-то не предусмотрел. Хотя вопрос понял именно в том смысле, в котором Наркоман его задавал.

– Непорядок! Чего же вы бизнес прибыльный теряете? – глумился он. – Сейчас бы подзаработали малость.

– А, может, вон те подойдут? – бугор указал через дорогу.

На противоположной стороне улицы стояло несколько девушек. По виду студенток.

– Эти вряд ли, – засомневался Таганай.

Не спеша подошли к гостинице. Вопреки ожиданию, дверь была заперта. Радиохулиганы двинулись к коммерческому киоску. За ним Наркоман увидел двух молоденьких женщин.

– Может, этих склеим? – предложил он Таганю.

Внезапно к дверям гостиницы подъехал милицейский «УАЗик». Откуда он появился, трудно было сказать. Не было, не было и сразу есть. Вот какие штуки с наблюдательностью выкидывает немереное количество выпитого спиртного. А через несколько мгновений из две-

рей гостиницы выскочила молоденькая девушка и сразу же остановила проезжавшую машину. Заприметив пьяную парочку, она махнула рукой, прокричав:

– Садитесь скорей!

– Это та самая, – прошептал Наркоману на ухо Таганай.

Происходящее отдавало какой-то нереальностью. Стоило подумать о знакомой проститутке, как она тут же появилась, как черт из табакерки. Лучше бы подумали о чемодане денег или хотя бы бутылке виски «Джонни Уокер».

– Как тебя зовут, нежданная-негаданная ты наша? – спросил Наркоман.

– Юля, – коротко ответила проститутка.

«Что ж, имя вполне подходит к профессии», – решил тот.

Проститутка была невысокого роста и чем-то напоминала только что вылупившегося цыпленка. Виной тому была ее голова: круглая, как бильярдный шар, с короткими, даже очень короткими вялыми волосами лимонного цвета – издержки гидропирита. На вид ей было лет девятнадцать-двадцать.

Возле оперного театра Юля остановила машину.

– Быстро выходите, а я с водителем договарюсь, – велел цыпленок.

Мужики вышли из машины. Через пол минуты к нам присоединилась Юля. Частный извозчик немедленно уехал.

Проститутка потащила радиохулиганов через сквер. Причем Наркомана она держала за руку, как более пьяного. Но все равно он поскользнулся и упал коленями в грязь.

– Ну вот, теперь брюки стирать надо.

– Я тебе все сделаю, – успокоила Юля.

– Все? – в его голосе звучало недоверие.

– Все, что пожелаешь...

Бывает так, что по интонации малозначащих слов, по тому, как они сказаны, легко угадываешь истинный подтекст. Наркоман голову мог дать на отсечение, что Юля предлагала ему миньет.

Он на секунду остановился и в красках представил, как это будет выглядеть: большой цыплячий шар, сосредоточенно чмокающий в районе его ширинки. Какая мерзость!

Короче говоря, «всего» ему не хотелось. Целью номер один было помыть коленки. И эта цель затмевала все остальные. А тут еще хлынул дождь.

– Пойду отолью, – поделился Таганай и скрылся в темноте.

– Так и будем стоять или пойдём куда? – спросила проститутка.

Наркоман с тоской посмотрел на бильярдный шар лимонного цвета. В мозгу пробудились ассоциации.

– Можно поехать в бильярдную «Деревянный кий».

Секунду спустя Юля останавливала невесть откуда взявшуюся здесь машину.

– Чего стоишь, поехали скорее!

Наркоман подумал о Тагане. Не мог же он отливать целую вечность!

Да и хрен с ним!

Наркоман сел в машину.

Несмотря на очень позднее время, бильярдная была переполнена. Лишь возле одного столика было два свободных стула. Два других занимали мужчины средних лет в костюмах и при галстуках.

Снимая куртку, Наркоман старался выгнуть ноги коленками внутрь, чтобы соседи по столу не увидели грязь на штанинах. Впрочем, они в основном смотрели на его спутницу.

– Тебе что взять? – спросил Наркоман Юлю.

– Джин с тоником.

– Тут пиво хорошее есть.

– Не хочу. Джин с тоником сойдет.

– Как знаешь.

Наркоман двинулся к бару, на ходу доставая деньги.

– Джин с тоником, арахис и одно темное пиво.

Когда он вернулся за столик, мужчины ненавязчиво обхаживали его проститутку. Надо ей отдать должное, относилась она к знакам внимания довольно прохладно.

– Знаешь, какими деньгами ворочает Вася Траксель? – восклицал один из мужчин.

– Ворованными, – встрял Наркоман.

– Почему ворованными? – растерялся мужчина. – Он крупный бизнесмен, хозяин нескольких заводов.

– Вор он крупный, – пьяно отрубил фотограф. – Фанерный новый русский, ваш Траксель. Он с наслаждением исковеркал фамилию.

Василий Вольдемарович Траксель был крупным бизнесменом. Начал он свою трудовую деятельность на овощной базе после окончания торгового института, где ему привили первичные воровские навыки. Про махинации с овощами сознательный люд наслышан.

Но вскоре заведовать гнилой картошкой ему наскучило. Тогда Траксель устроился директором известного в городе ресторана. Вечерами за служебным столиком его тонкая интеллигентская душа познавала уголовный мир, общаясь с тонкой криминальной прослойкой общества. Закладывались основы будущих деловых связей.

После перестройки Траксель по быстрому приватизировал вверенный ему ресторан, благо было на что. А заодно еще парочку кафешек. Особо не напрягаясь, построил колбасный цех. Это был пик его нелегкой карьеры. Затем фортуна от него отвернулась.

Братки, с которыми к тому времени Траксель был беспросветно повязан, тактично порекомендовали ему купить машиностроительный завод-гигант, находящийся в анусе. Криминальным структурам нужен был дурачок, чтобы пользуясь его именем распродать остатки завода налево. Василий Траксель не желал быть дурачком, но завяз к тому времени капитально. Отказать братве он не мог. Если изнасилование неизбежно – расслабься и наслаждайся.

«Помирать – так с музыкой», – решил Траксель и ради наслаждения прикупил себе музыкальную радиостанцию. Надо же, чтобы кто-то восхвалял тебя.

Впрочем, эпизоды биографии Тракселя соседям по столику Наркоман не приводил. Его аргументы были просты и доходчивы, учитывая выпитое им за последнее время. Типа, «сам дурак».

Что Наркомана слегка расстраивало, так это то, что Юля не обращала никакого внимания на шедевры его ораторского искусства. Взгляд ее был обращен в сторону бильярдных столов – она изучала потенциальных клиентов.

Пиво и джин с тоником за разговором текли рекой. Наркоман лишь ненадолго отлучался в туалет и вновь вступал в спор.

В половине четвертого ночи официант предупредил, что заведение скоро закроется. Наркоман и Юля вышли на свежий воздух.

– Самое время ехать в гости, – заметил фотограф.

– Куда?

– Можно к Антипову.

Юля скривила губы. Судя по всему данная семейка была ей знакома.

– А что? Нормально! – успокоил Наркоман. – По крайней мере там примут в любое время.

Бильярдный шар пошел останавливать машину.

Вовка Антипов был великим художником. Причем сам этого не скрывал. Так и говорил: «Я – гений, но не все это видят». Впрочем, картины его действительно были выполнены талантливо.

По дороге остановились возле киоска.

Прежде всего надо было взять спиртного. Куда без выпивки?

Остановился на водке – дешево и убойно. Конечно, самую дешевую брать не стоило, но и «смирновкой» баловаться – роскошь. Взял две бутылки.

Хотел еще себе прикупить пивка, но решил не транжирить. Набрал всяких шоколадок и прихватил пачку собачьего корма. У Антиповых водилась вечно голодная собака.

Семья у художника, по нынешним меркам, была большая. Помимо жены и собаки, он имел еще двух дочерей. Старшей было семнадцать лет, младшей – около девяти.

Дверь открыла старшая.

– Володя дома?

– Проходите.

Художника дома не было. Из рассказа старшей дочери сложилась следующая картина: семейка решила бросить пить, а важность такого решения неплохо было отметить. Вот и отмечают сейчас где-то, но вскоре должны подъехать.

Наркоман выложил покупки и решил, наконец, вплотную заняться собственными проблемами – отстирать штаны и отмыть колени. Снял часы с руки, выложил на стол оставшиеся деньги. Четыреста пятьдесят рублей – жить можно! Штаны решил снять в ванной. Не рассекать же в трусах в чужом доме!

Раздевшись и забравшись в ванну, он вяло следил, как набирается вода. И тут в дверь позвонили. Наркоман прислушался: открыли дверь, вялая неразборчивая перебранка и как финал – душераздирающий крик младшей дочери.

Что же там произошло?

Но чтобы не случилось, в ванной находиться было нельзя. Сунутся, а он там голый и пьяный. Впрочем, последнее, скорее, удивление не вызовет. Быстро натянув на себя грязную одежду, Наркоман выглянул в коридор.

Дочка орала от испуга. Было от чего. Увидеть ТАКОЕ в юном возрасте.

В квартиру вошли трое. Жена художника была наряжена в куртку, как следует вываленную в грязь. Впрочем, грязь была везде. Даже лицо было покрыто сплошной коркой подсыхающей грязи. Блестели только белки глаз. Явление черта из табакерки.

Рядом, как сестра-близнец, переминалась с ноги на ногу еще одна особа. Телосложением, ростом, овалом лица, а главное грязевым макияжем она в точности походила на хозяйку. Наркоман и принял ее за сестру жены.

Сам художник внешним видом несколько отличался от своих дам. Он так же был весь в грязи, но на правой половине лица грязь была перемешана с кровью.

– Еж-тири-куку! Что случилось? – спросил Наркоман.

– Вовка выпал на повороте из такси прямо в лужу, а мы его оттуда доставали, – поделилась супруга.

Старшая дочь повела «сестер» отмываться в ванную, а Володя неестественно равнодушно поинтересовался о наличии выпивки. Наркоман распечатал бутылку водки и разлил по рюмкам. Потом надел оставленные на столе часы и взял деньги. Двухсот рублей не хватало.

– А где Юля? – с внезапной догадкой спросил он.

– Она ушла и хрен с нею, – махнул рукой художник.

– Денег жалко...

– Каких денег?

– Она похоже у меня две сотни прихватила.

– Так пойдем и догоним.

– Как же! Стоит и ждет тебя возле подъезда.

Конечно, по сравнению с пропитым, это была не такая уж и значительная сумма. Но самая обидная.

– Она у моего знакомого цветной телевизор украла, – сообщил художник.

- Каким образом? Он ведь тяжелый!
- Она грузчика привела с собой.

Из ванной показались отмытые «сестры» и потребовали водки. После второй рюмки жена художника сообщила:

- Денег совсем нет. Завтра видак понесем в ломбард. Нам за него обещали семьсот рублей.
- Может проще Володе на работу устроиться?
- А я что? Не работаю? – возмутился художник. – Я картины рисую!
- Кто ж спорит, – продолжал Наркоман. – Но мог бы устроиться дворником в собственном дворе. С утра метлой помахал часок – и здоровья прибавится, и штуку на карман.
- Я художник, а не дворник! – с пафосом произнес Вовка.
- Дело твое...

Разговор о работе утомил Володю. Он обиделся и лег спать. Остальные продолжали пить водку, разговаривая о всяких пустяках.

Скромные похождения Наркомана, как ни странно, оставили заметный след в обществе.

Печальной оказалась судьба пакетика собачьего корма. Собака в тот день его так и не попробовала. Он был уничтожен хозяевами под пиво на следующий день. Специально сваренный для собаки и стоящий в холодильнике суп, слопала «сестра» жены художника. Но и собака не осталась голодной. «Сестра» скормила ей два сырых яйца из того же холодильника.

Последнее сильно расстроило жену художника: два яйца – это была последняя человеческая еда в доме. Дети пошли в школу голодными.

Видак Антиповы все же сдали в ломбард и получили за него деньги. На радостях решили отметить и отправили «сестру» в киоск за вином, дав ей пятьдесят рублей. Та не вернулась. Через два часа Антипов спустился по лестнице и выглянул из подъезда. «Сестра» пила их вино с какими-то подругами, сидя на лавочке.

Да и какая к черту она сестра? Местная бомжиха. По странному стечению обстоятельств Антиповы подобрали ее возле оперного театра. Они бы, конечно, этого не сделали, но у бомжихи в руках были две бутылки водки.

Глава Д

Донцов закончил утренний эфир и подключил канал «Орбита-12» к «Пятой линии». Голос известного всей стране диктора монотонно начитывал информацию:

«Сегодня днем президент Российской Федерации планирует встречу с премьер-министром. В конфиденциальной беседе высшие руководители страны собираются обсудить новые шаги кабинета, способствующие дальнейшему обнищанию населения. В частности, задолженность по детским пособиям планируется увеличить еще на четыре месяца. Считается, что данная мера позволит еще более сократить рождаемость в стране.

Минувшей ночью президент подписал указ об отставке министра финансов. Причиной тому послужило высказывание главного финансиста страны о том, что граждане не такие уж и плохие. Глава государства считает, что сейчас не время для сантиментов, и геноцид населения надо проводить даже в больших масштабах, чем это проводится сейчас.

На следующей неделе планируется перевезти правительственный общак из Германии...»

Евгений Донцов отключил внешний звук.

«Орбита-12» был строго засекреченным каналом. Каждый день в восемь часов утра по нему передавалась информация из Кремля в регионы высшим руководителям областей и городов. Нужным оборудованием, после развала различных карательных ведомств, обладали только региональные телерадиокомпании. Потому сначала по «Орбите-12» информация шла непосредственно в центральную аппаратную связи местной телерадиокомпании, а оттуда, в уже раскодированном виде, по «пятерке» переправлялась в областную и городскую администрации.

Повторюсь, что информация, передававшаяся из Москвы, была строго засекречена. Если бы ее слышали обычные граждане, то вряд ли она прибавила бы им оптимизма в повседневной жизни. Звукооператоры, «перегоняющие» утренние выпуски, сплошь имели подписки о неразглашении. Впрочем, содержание выпусков мало кого из них волновало. Поначалу Донцов прислушивался к проходящей информации, но потом ему это дело быстро надоело. Хватало других забот. Как, например, сегодня...

На работу Евгений принес комок липучки. Усевшись на диване в фойе, он начал тщательно лепить из него кошачьи экскременты. Сам этот процесс, на первый взгляд, был абсолютно бессмысленным. Но это с какой стороны взглянуть!

На радио жила всеобщая любимица – кошка Миска. Если для кого-то есть рай на Земле, так это для нее.

Питание Миска получала отменное. Какую-нибудь кашу или вонючий «Вискас» она есть ни за что бы не стала. Обычной ее едой была мелко порезанная говядина фри. Иногда, для разнообразия допускалась дорогая вареная рыба, приготовленная до определенной кондиции и подаваемая к кошачьему столу строго при определенной температуре. Но и все эти ухищрения не гарантировали, что кошка согласится есть. Непременным условием еще было такое: Миска ложилась посреди письменного стола, а пища подносилась к ее рту маленькими кусочками. Кошка ела только с рук. Были и исключения. Например, сухое молоко в руках не подавалось. Миска сама вяло макала лапу в белый порошок, а потом с презрением во взгляде по отношению ко всем окружающим вяло слизывала прилипшее молоко.

Ясно, что не все сотрудники радио положительно относились к таким кошачьим загибонам. Большинство работников сами питались гораздо хуже радишной кошки. Ни в чем не отказывала кошке только Валентина – одна из дежурных инженеров аппаратной связи. Валентина работала по железнодорожному графику, поэтому периодически Миска оставалась почти на двое суток без ее присмотра. В это время кошка голодала. Не потому, что не было еды,

мелко порезанное мясо всегда лежало в миске, а потому что разучилась есть как все нормальные кошки. А может не хотела показывать, что умеет есть самостоятельно.

В отсутствие Валентины кошка предавалась двум другим порокам.

Во-первых, она часто рожала. Не успев толком поднять на лапы один выводок, Миска почти сразу оказывалась беременна заново, отчего ее прозвали «родильной машиной». Котятами были обеспечены все сотрудники радио и их знакомые. Очередной помет реализовывался посредством объявлений по областному радио среди слушателей. Но скоро, похоже, предстояло подключать другие регионы России. Область была затоварена под завязку.

У Миски было еще одно патологическое увлечение. Она любила гадить под дверями кабинетов и в вещательных студиях. На нем и решил сыграть звукооператор Евгений Донцов. Один раз у него это уже получилось.

Однажды, Светка Савицкая пришла на эфир с явным похмельным синдромом. Накануне была какая-то презентация, тяжело сказавшаяся на ее здоровье.

Во многих книгах, описывая быт отечественных журналистов, авторы рассказывают о каком-нибудь фуршете, где сотрудники прессы пригубляют шампанское из фужеров. Чуть все это! Такие книги пишут люди, не имеющие представления об истинном положении дел. На самом деле, пьянство – профессиональная журналистская болезнь. Как правило, к пятидесяти годам половина репортеров спивается окончательно благодаря всевозможным презентациям. Кто ж не сопьется на холяву? Более того, в конце фуршета журналисты, как правило, сметают со столов всю выпивку, запихивая бутылки в сумки. Дальнейшее распитие продолжается в редакции, на улице или у кого-нибудь на квартире, часто на протяжении всей ночи.

Савицкую перед эфиром ждал удар. Донцов тщательно вылепил из липучки большую жирную какашку и любовно положил ее на стол в студии. Светку и так мутило с похмелья, а тут еще такой сюрприз. Подавляя рвотные позывы, Светка смахнула на бумажку искусственное творение человеческих рук и выбросила в мусор, не забыв обматерить как следует кошку.

На этот раз, воспользовавшись отсутствием Валентины, Донцов положил свое творение на столе в центральной аппаратной связи. Положил, отступил на шаг и, склонив голову набок, посмотрел на дело рук своих. Потом чуть поправил и остался доволен. В этот момент в аппаратную зашла Валентина.

– Ну что, отработал?

– А как же!

– Я тоже сейчас дождусь смены и пойду домой.

Тут взгляд Валентины упал на стол, где лежал искусственный экскремент.

– Мисонька! Ну, разве ж так можно? – в голосе женщины не было злости, уж очень она любила свою питомицу.

– Давайте я уберу, – вызвался Евгений и, на глазах у изумленной Валентины, рукой сгреб «какашку», сжав как следует ее между пальцев. – Животными нельзя брезговать, они братья наши меньшие.

В дверях стоял другой звукооператор Михаил Седых. Он пришел на смену и с интересом наблюдал с порога за происходящим. Операторы поздоровались и прошли в фойе радио. Здесь по традиции стоял диван, несколько кресел и столик с чайником, фильтром для воды, сахарницей и чашками.

– К кошачьему дерьму прикипел? – с улыбкой поинтересовался Михаил. Он прекрасно помнил тот недавний случай, когда Донцов положил свое «произведение искусства» на столе в студии, чем вызвал противоречивые физиологические чувства у журналистки Светки Савицкой.

– Да это же хохма! – по инерции начал оправдываться Донцов. – Говно не настоящее.

Для большей убедительности он стал раскатывать липучку между ладоней. А Михаил тем временем сполоснул заварочный чайник и налил из фильтра свежей воды в электрический. Когда вода в чайнике зашумела, Седых предложил:

– Ты уж до конца хохму доводи!

– То есть?

– Раз пять положи на стол липучку, а когда Валентина привыкнет, будет ее руками брать, на шестой раз подбрось настоящее кошачье дерьмо, отыскать его проблем не составит. Представляешь, какой эффект колоссальный будет? Валентина подумает, что это липучка и возьмет руками. А там...

– Да-а-а, – мечтательно протянул Евгений. По лицу его было видно, что он представляет реакцию Валентины на столь коварный с его стороны шаг. Судя по всему, ее предполагаемая реакция Донцова не вдохновила.

– Что вы сегодня в эфире отмочили?

Донцов задумался.

– Ты имеешь в виду нашего доблестного пресс-секретаря губернатора Петра Васильевича?

Пресс-секретарь Мальков имел патологическую привычку периодически выступать по утрам в прямом эфире областного радио и при этом пороть всякую чушь. После таких выступлений первые лица области долго оправдывались в средствах массовой информации, но, как говорится, дело уже было сделано. Петр Васильевич делал это не со зла. Просто у него все выходило так. А уволить его – рука не поднималась у губернатора. Как никак, он оказывал главе области большую помощь на прошедших выборах. Нехорошо увольнять человека, который помогал занять тебе руководящий пост. Даже если этот человек, как специалист, – ничто.

– И его тоже, – ухмыльнулся Седых.

– Петр Васильевич сообщил сегодня населению, что стоимость проезда в городском транспорте можно было бы уменьшить раза в три без ущерба для местного бюджета.

– Откуда он взял такие цифры?

– Подсчитал.

– Он у нас оказывается еще и математик!

– Да, оставь ты его! Он ведь не со зла. Натура такая у человека.

Щелкнул чайник, и Михаил налил себе заварки и кипятка. Евгений последовал его примеру. Помолчал, потом произнес:

– А я ведь не это имел в виду. Я подразумевал «круглый стол», который вы с такой помпой выдали сегодня в эфир.

– Ну и что? Чего там такого, криминального? – Михаил прикинулся непонятливым.

Так называемый, круглый стол и впрямь у профессионалов радиожурналистики вызвал легкий шок. Шел он в утреннем эфире сорок минут. Это при том, что обычно информационные материалы стараются делать не более четырех минут. Население сонное встает на работу, завтракает, заседает в туалете. Ему бы прогноз погоды услышать и пару веселых жизнерадостных песенок. Если в утренний эфир и пропихивается информационный материал, то делается он до чрезвычайности коротким. А тут – сорок минут!

Более того, сорокаминутка была посвящена какому-то непонятному юбилею. Ведущий утренней программы Владимир Васильевич Серов был слаб на джинсу. Любым путем пропихивал в свои утренние эфиры «левую» рекламу, рекламные интервью, восхваляющие какую-нибудь коммерческую фирму. Иногда реклама маскировалась под невинное интервью, а чаще просто била в лоб. Другой бы за такие выкрутасы давно лишился работы, но не Владимир Васильевич. Он работал на радио почти двадцать лет и мог позволить себе плевать на все запреты. Принцип был прост: не трогайте меня, дайте подзаработать, а я не трону вас, бездарей.

В утреннем круглом столе он собрал своих самых солидных рекламодателей, чтобы те имели еще один повод похвалить свои фирмы. Но и коммерсанты не остались в долгу. Каждый счел своим долгом многословно и бестолково похвалить Владимира Васильевича, его великие достижения в области свободной радиожурналистики. Сорок минут весь этот бред разносился из радиоточек области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.